

18+

Сергей Ковальчук

Тринадцать

детектив

Сергей Васильевич Ковальчук

Тринадцать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27619072

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-11116-5

Аннотация

Тринадцать не связанных между собой и незнакомых друг другу людей в особняке на оторванном от Большой земли острове... Кто заманил их сюда таинственным приглашением? Зачем кто-то убивает их одного за другим, самыми изощренными способами? Почему происходящее тесно переплетено со странными, похожими на детские, стишками, романом Агаты Кристи "Десять негритят" и... миллиардером Валерием Магницким, отказавшимся продавать акции своей сети розничной торговли могущественному олигарху? А, самое главное: изобличит ли сыщик Мирутин убийцу?

Сергей Ковальчук

Тринадцать

Тринадцать.

Пролог.

Основной владелец федеральной сети розничных магазинов «Камень притяжения» миллиардер Валерий Магницкий, сидя на заднем сидении роскошного лимузина, сделал глоток минеральной воды и аккуратно поставил стакан в бар. Если не считать водителя, то в машине он был один. Помощник и охрана следовали сзади, на двух машинах сопровождения. Откинувшись назад, Валерий Николаевич вытянул ноги, скрестил на груди руки и погрузился в тяжкие думы.

Знающие Магницкого люди, по этой позе, а также по хмурому, сосредоточенному лицу олигарха легко могли бы определить, что это означало крайнюю степень его озабоченности.

На встречу с другом детства самого Хозяина, миллиардером Брахтенбихером, Магницкий ехал с тяжелым сердцем. Ничего хорошего он от нее не ждал. Братья Брахтенбихеры слыли безжалостными рейдерами. Они использовали все, что доступно хищнику для того, чтобы настигнуть свою жертву и беспощадно впиться ей в горло. «Отжимая» чужие бизнесы, братья-олигархи использовали правоохранителей, суд, надзорные и проверяющие органы, домашний арест, за-

ключение под стражу и много чего еще, о чем Валерию Николаевичу даже думать не хотелось.

Встреча была назначена Брахтенбихером-старшим на нейтральной территории, в одном из ресторанов центра Москвы. С этой целью заведение было арендовано и закрыто на весь, как в старые добрые советские времена, «на спецобслуживание».

Поздоровавшись с Магницким, невысокий седой Артемий Брахтенбихер попросил всех посторонних, включая охрану, оставить их наедине и предложил своему гостю составить ему компанию при трапезе.

Мужчины прошли в центр небольшого, но уютного ресторанный зала для vip-персон и сели за большой, заставленный продуктами и напитками стол. Не притрагиваясь к еде, хищно сощуриив серые холодные глаза, Брахтенбихер, глядя на собеседника, голосом, не терпящим возражения, произнес:

– Не буду ходить вокруг да около, а сразу озвучу то, для чего вас пригласил. – Он выдержал небольшую паузу, оценивающе глядя на своего собеседника, и продолжил. – Я хотел бы, чтобы ваша сеть магазинов стала жемчужиной в короне моей финансовой империи.

– Простите, не понял, – заледенев изнутри, но оставаясь внешне спокойным, уточнил Магницкий. – Выражайтесь яснее.

– Хорошо, – Брахтенбихер, продолжал сверлить его взгля-

дом. – Я решил приобрести у вас все семьдесят процентов акций «Камня притяжения», которыми вы владеете. Скажем, за полмиллиарда долларов. И, предвидя ваши возражения, сразу хочу дать добрый совет: соглашайтесь, иначе я заберу их бесплатно.

В ожидании ответа, он взял белое полотенце, аккуратно завязал его на шее, и как ни в чем не бывало, начал с наслаждением есть.

За столом повисло тягучее напряжение. Магницкий лихорадочно соображал.

«На что он надеется? Неужели думает, что я сейчас возьму и соглашусь на его ультиматум? Это неслыханно! Но мой отказ автоматически означает войну».

Чтобы потянуть так необходимое ему время, Валерий Николаевич севшим от волнения голосом произнес: – Но мои акции стоят даже по самым скромным оценкам пять миллиардов. В десять раз больше, чем вы мне предлагаете. К тому же, я не собирался их никому продавать.

То, что он совершил ошибку, Магницкий понял поздно. Это «не собирался» означало для агрессора, что тот на полпути к успеху. Следовало бы сказать: «не собираюсь». Но слабина уже была дана, что ставило его в положение оправдывающегося, и его визави не замедлил воспользоваться своим преимуществом.

– Дорогой друг, – жестко усмехнувшись, глянул ему в глаза Брахтенбихер. – Я не знаю, чего вы там собирались или

не собирались, но я озвучил вам свое предложение. Другого не будет. Даю вам на размышление два дня. И если вы вдруг решите ответить мне отказом...

Зря он так с ним. В этот момент Валерий Магницкий решил, что не позволит себя разорить никому, кем бы тот ни был. Он принимает вызов.

– Я уже решил, – перебил совладелец торговой сети на полуслове ставшего ему в одночасье врагом человека. Он встал со своего места, подошел к держащему на весу вилку и нож хаму, и, нагнувшись, негромко произнес: – А не пошел бы ты?!

После этого он, как солдат по команде: «кругом», резко развернулся и с достоинством зашагал к выходу.

Глава 1

7 сентября 2016 года, среда.

1.

Судья Московского городского суда Иван Игнатьевич Стеклов, сорокапятилетний гренадерского роста брюнет с благородной проседью у висков шикарной, нетронутой облысением шевелюры, со вчерашнего дня находился в отпуске. А уже сегодня утренним рейсом он вылетел из Москвы в Грецию. Лететь он мог бы и в бизнес-классе регулярного рейса какой-нибудь западной кампании, материальное положение позволяло, но природная скупость все же взяла верх, и трехчасовой перелет пришлось провести в чартере. Прав-

да, что удивительно, и самолет попался довольно сносный, и в полете он чувствовал себя хорошо, почти не устал. Самолет стал снижаться, заходя на посадку. Пристегнувшись, Стеглов достал из кармана аккуратно сложенный вдвое лист белой офисной бумаги, развернул его, и еще раз вчитался в распечатанное письмо, полученное несколько дней назад по электронной почте:

«Здравствуй, милый Ваня! Столько лет прошло, нам уже немало этих самых лет, а я помню то наше с тобой первое лето так, как будто это было вчера. Ты был тогда такой влюбленный, такой смешной, серьезный мальчик. Сколько нам тогда было? Тебе двадцать два, мне – семнадцать. Да, первая любовь! Я помню, как красиво ты за мной тогда ухаживал. Мне было так хорошо с тобой! Жаль, что у нас не сложилось. А в двухтысячном, когда мы снова встретились, и все закрутилось с прежней силой? Я знаю, ты по-прежнему меня любишь. Извини меня. Я тогда солгала тебе. Ты знаешь, о чем. Просто не хотела уводить тебя из семьи, лишать твоего сына отца. Детей у меня нет, а твой сын уже взрослый. Мой муж, если ты не знаешь, недавно умер. Вот я и решила написать тебе. Я сейчас в Греции, на маленьком, почти необитаемом острове Гавдопула. Сюда можно добраться с Крита, через остров Гавдос. Если хочешь, приезжай. Я буду очень тебя ждать. 7 сентября, потому что потом мне нужно будет улетать. Нам надо о многом поговорить. Да, чуть не забыла, не бери, пожалуйста-

ста, с собой никакой электронной техники. Айфон, смартфон, ноутбук – все это содержит программы слежения за своим владельцем, а я не хочу, чтобы о нас с тобой узнала твоя жена и чтобы у тебя из-за меня потом были неприятности. На Гавдосе тебя встретит один грек, которого я попросила, чтобы он тебя привез ко мне. Твоя Анна Лучкович!»

Он вспомнил, как заколотилось сердце, когда он прочел это письмо в первый раз. Найдя в своей электронной записной книжке номер ее мобильного телефона, Стеклов позвонил, но абонент оказался вне зоны обслуживания. Тогда он в нетерпении отправил ответное письмо по электронной почте о том, что не может ей дозвониться. Но получил второе письмо. В нем сообщалось, что мобильная связь на острове отсутствует, а Вотсапп, Вайбер и другие мессенджеры почти не работают, поэтому она, его Анна, просит сообщить, полетит ли он к ней.

Сердцебиение участилось. Она еще спрашивает? Да он на край света готов лететь ради нее. И не только лететь. Надо будет, и поползет.

Стеклов пробил себе еще неиспользованные в этом году две недели отпуска, и сразу же заказал билет на самолет. Своей обрюзгшей за годы совместной жизни жене он объяснил, что должен срочно лететь в командировку. В составе делегации, состоявшей из судей Верховного и Московского городского суда.

По прилету на Крит, пройдя все необходимые досмотровые процедуры, судья Стеклов на такси добрался до побережья Палеохоры.

«Ну и духота здесь» – думал он, расплачиваясь с маленьким и пузатым греком в выдавшей виды рубашке, за всю дорогу прожужжавшим ему уши на плохом русском, описывая местные достопримечательности.

Паром – небольшой теплоход на сотню мест пришлось ждать несколько часов, проведя время в местной прибрежной кафешке. До острова Гавдос ему в компании почти сотни туристов предстояло идти почти сорок километров. Сидя за отдельным столиком внутри судна, (наверх он из-за жары подниматься не хотел, а тут работали какие-никакие, а кондиционеры), судья нехотя, из трубочки, посасывал «крово-вую мэри», с нетерпением ожидая встречи с таким дорогим его сердцу человеком, которого судьба по недоразумению, разлучила с ним на нестерпимо долгие годы.

2.

Петр Семенченко, тридцатилетний толстяк с испитым лицом, сидя в корме просторной моторной лодки, больше похожей на небольшой катер, с грустью посмотрел назад. Они отплывали с пологого песчаного берега острова Гавдос, держа курс на маленький островок под названием Гавдопула. Этот островок находился в четырех километрах от Гавдоса, но ощущение было таким, будто они собирались переплыть

целое море. Он перевел взгляд вперед. Гавдопула, несмотря на отличную ясную погоду, был еле заметен на фоне бескрайних водных просторов и почти сливался с горизонтом. Семенченко явственно ощутил какое-то беспокойство, которое все время нарастало с того самого момента, когда он получил это в высшей степени странное предложение.

Кроме него в лодке находилось еще шесть человек, пятеро из которых были такими же, как и он, туристами из России, если можно так выразиться, а один – местный рыбак, нанятый этими ребятами с телевидения для их перевозки на остров. Следом за ними от берега отчалила вторая моторка с еще шестью путешественниками из Москвы.

Двенадцать человек, три женщины и девять мужчин, все коренные москвичи, на двух лодках шли навстречу неизвестности. Друг друга они не знали и никогда раньше их пути не пересекались.

Несколько дней назад Семенченко, работавшему бригадиром дорожных рабочих, позвонил незнакомый мужчина, представившийся журналистом телеканала НТВ. Мужчина сообщил, что их канал решил запустить телепроект «Стань артистом». Это реалити-шоу должно было освежить приевшуюся зрителям сетку программ подобного рода и стать чем-то средним между проектами «Фабрика звезд» и «Последний герой», так полюбившимися зрителям несколько лет назад. Как сообщил этот телевизионщик, съемки телешоу будут проходить на маленьком необитаемом греческом

острове и продлятся около двух недель. За это время Петру и другим счастливицам, которых отобрал компьютер, придется в комфортных условиях обучиться профессии актера, а лучшие из них обязательно станут звездами отечественного телевидения.

Поначалу Петр решил, что его так разыгрывают друзья, но вскоре убедился, что был не прав. Говоривший с ним незнакомец сообщил, что его предложение очень серьезно и предложил подписать договор на пятьдесят тысяч долларов, двадцать пять из которых Семенченко должен был получить сразу, а остальные после съемок.

Медленно сглотив, Петр поинтересовался, откуда у незнакомца номер его мобильного телефона, но тот только рассмеялся, и повторил, что Семенченко несказанно повезло, что его отобрала система путем случайной выборки из базы их данных.

«Деньги-то нешуточные», – размышлял Петр. – А если вдруг что не так, то ведь первую половину я получу сразу. Если получу». И он решил попробовать.

3.

Вера Артемовна Андриевская чувствовала себя неважно. Видимо, сказывался длительный перелет из московского аэропорта Внуково до Крита, а потом еще этот морской переход до Гавдоса. И хотя погода стояла великолепная, а качка на том пароме почти не ощущалась, к горлу то и де-

ло подкатывала тошнота, а в затылке ломило и крутило так, что от разыгравшегося внутричерепного давления пришлось принять сразу двойную дозу убойного лекарства. Плюс еще лишний вес, этот ее вечный спутник по жизни.

Она достала из косметички зеркальце и внимательно себя осмотрела. Так и есть, под большими карими глазами отчетливо вырисовывались внушительных размеров темные мешки, полное лицо оплыло, покрывшись, к тому же, красной коркой. «Аллергия, наверное», – подумала Андриевская, – ощущая, как понемногу ее начало отпускать.

Она еще раз осмотрела себя в зеркальце. Сорок пять ей, хотя выглядит, надо признаться, гораздо старше. Темные вьющиеся волосы почти достают до плеч. Длинное, ниже колен, цветастое платье, на голове легкая светлая шляпка.

Пряча зеркальце в косметичку, Андриевская перехватила взгляд сухопарого мужчины лет пятидесяти, сидевшего рядом. Он смотрел на нее с явной неприязнью.

Ей снова стало плохо с сердцем. Губы посинели, руки задрожали, а в уголке рта она ощутила тонкую струйку слюны, начавшую стекать по подбородку. Вера быстро достала из сумочки еще одну таблетку и быстро проглотила, а уже потом запила водой, бутылку с которой достала из походной сумки.

В жизни бы не согласилась поехать на этот остров. С сердцем у нее проблемы, причем серьезные. Если бы не долги по банковским кредитам и не ежедневные, изнуряющие своей навязчивостью звонки коллекторов, которым банки про-

дали ее обязательства перед ними. Мужа у Веры не было. Ушел к другой, десять лет назад. Мол, перестала следить за собой. Вместе с Верой в одной квартире жил ее взрослый сын, который недавно сошелся с одной разбитной девицей. Девушка была красивая, но приехала в столицу издалека. И вот ее Лешка на днях поставил мать перед фактом, что они с Соней (так звали его избранницу) решили жить вместе. А чтобы не стеснять мать, он снял для них собственную однокомнатную квартиру в Жулебино. Ну не дурак ли? А деньги, спрашивается, откуда? И у нее, парикмахерши, по финансам завал полный... Словом, едва получив предложение поучаствовать в телевизионном шоу, Вера согласилась, почти не раздумывая.

4.

Подполковник в запасе, Олег Викторович Измесьев, сегодня был не в духе. Последнее время он вообще стал отмечать за собой резкие перепады настроения, чего ранее с ним никогда не случалось. «Наверное, старость помаленьку подкрадывается», – невесело думал он, поглядывая на соседку, Веру. «Эта-то толстушка куда собралась? Потееет сидит, за сердце хватается. Сидела бы дома, да пирожные жрала. Воняет еще от нее чем-то противным. Зубы что ли не чистит?» – Он брезгливо отодвинулся от нее, что не укрылось от внимания остальных сидевших в лодке вместе с ними.

Измесьев был боевым офицером, прошедшим Афган,

Приднестровье и первую чеченскую, многое в жизни повидал. Казалось, удивить его чем-либо в этой жизни было невозможно. Но ребятам с телеканала НТВ это удалось. Неделю назад ему позвонили и пригласили поучаствовать в съемках телешоу «Стань артистом». Он сразу отказался, но разговаривавший с ним мужчина совершенно серьезно предложил за две недели съемок, которые должны были проходить почему-то на греческом острове, целых пятьдесят тысяч долларов.

Объектом для «развода» Олег Викторович становится не собиравшаяся, но озвученная сумма, как, собственно, и само предложение, его заинтриговали. Еще интереснее ему стало, когда на следующий день по прибытии в офис некоего туристического агентства у него в руках оказалась не какая-то там мифическая, а самая что ни на есть настоящая денежная сумма в размере полутора с лишним миллионов рублей. Он получил эти деньги после подписания контракта с компанией «Системз-групп», которая, как им пояснили, была дочерней компанией телеканала. Когда же Измествьев сообщил, что у него для поездки в Грецию нет не только визы, но даже загранпаспорта, миловидная женщина в белоснежной сорочке улыбнулась, и со словами: «Наша фирма веников не вяжет», попросила его пройти в соседнее помещение, где его сфотографировали, заполнили анкету и попросили подписать несколько бумажек. Спустя три дня, тот же мужчина, который связывался с ним по телефону в первый раз, позво-

нил снова, попросив прибыть в восемь часов утра сегодня, 7 сентября (как это было оговорено в контракте), на место общего сбора участников шоу возле станции метро «Юго-Западная». Там же ему вручили новехонький загранпаспорт с открытой греческой визой.

Однако эйфория от предстоящего приключения сразу же улетучилась, едва всем двенадцати прибывшим было объявлено, что по условиям подписанного ими дополнения к контракту, каждый из них должен сдать имевшиеся при нем мобильные телефоны, планшеты и прочие средства связи на хранение до возвращения в Москву. Измутьев почувствовал неладное, но возмущаться, в отличие от сидевшей сейчас рядом с ним Веры и еще двух человек, не стал. Эти трое заявили сопровождавшему их в автобусе юристу, что сдавать свои телефоны не намерены. И тут же получили от него неожиданно жесткий ответ.

– Не будете? – мягко, но со скрытой угрозой в голосе осведомился молодой человек. – Пожалуйста. Но только тогда будьте любезны вернуть полученные в качестве задатка деньги в двойном размере!

Видя, как округлились от удивления глаза не только у взбунтовавшейся троицы, но и у остальных участников съемок, он таким же спокойным голосом пояснил:

– В приложении к контракту, указано, что при отказе исполнять какие-либо требования администрации, предъявленные в рамках подписанного контракта, участник обязует-

ся возвратить полученный ранее задаток в двойном размере. Вы хотите вернуть компании три миллиона рублей?

Сказанное подействовало отрезвляюще, и уже никто в дальнейшем никаких требований администрации проекта не предъявлял.

5.

Екатерина Милютина, стройная красавица с длинными черными волосами, легким движением руки подняла солнцезащитные очки на лоб и с немым вопросом уставилась на Измествьева.

«Интересно, почему этот самодовольный старый гусь с таким презрением отодвинулся от своей соседки?» – подумала она, отвлекшись от своих мыслей, одолевавших ее всю последнюю неделю.

Однако, в отличие от других приглашенных на остров, Катя не слишком анализировала ситуацию, в которой оказалась, воспринимая ее как замечательное приключение, нежданно-негаданно свалившееся на голову. По ее разумению, что-то подобное обязательно должно было с ней произойти, ведь она была очень красива. А красивым женщинам, как известно, в жизни достается самое лучшее. И не беда, что к своим тридцати четырем, Катюша, чье воспитание и взросление пришлось на девяностые годы прошлого столетия, ничего особенно хорошего в жизни не видела. Ее гражданский муж, третий по счету, был старше ее на пятнадцать лет. Но, несмотря на это, отчаянно от нее гулял. Он был му-

зыкантиом, играл на гитаре в одном известном всей стране музыкальном коллективе. Однако, вопреки расхожему мнению, что музыканты зарабатывают горы денег, не сумел скопить себе даже на квартиру, живя у нее.

Сама Милютина была воспитана матерью в том духе, что девушке, особенно такой красивой, как ее дочь, совсем необязательно получать образование и делать карьеру. Ее должен обеспечить богатый и успешный муж, к выбору которого нужно было отнестись со всей серьезностью. Вот только не везло Кате с таким. Первый ее благоверный, студент политехнического института, через несколько дней знакомства заделав ей ребенка, стал спиваться. И ладно бы сам, так нет же. К этой пагубной страсти он пристрастил и свою легкомысленную жену. Однажды, когда их дочери было только полтора года, Катя с мужем была в гостях и упилась так, что хозяева квартиры вынуждены были вызвать ее родителей, живших в далеком Подмоскowie, чтобы те забрали оголодавшего, брошенного мамой и папой ребенка, к себе. Через год беспробудного пьянства муж, чтобы не сгинуть, ушел в монастырь. В течение последующих десяти лет Екатерина кодировалась каждый год, но всякий раз снова погружалась в страшное алкогольное болото.

Второй ее муж женился на ней в период ремиссии ее болезни. Надо сказать, что, несмотря на постоянные запои, продолжавшиеся порой до вызова наркологической «неотложки», Екатерина не только не растеряла свою красоту,

но внешне представлялась вполне хозяйственной женщиной. Она умела хорошо готовить, была общительной, а главное, у нее была своя двухкомнатная квартира, подаренная папой, где она проживала совсем одна. Ее дочь, Полину, после того памятного случая, дедушка и бабушка забрали жить к себе. На эту-то удочку и попался второй муж, мелкий банковский клерк, решивший, что вытасил счастливый билет. Однако вскоре, когда жена «развязалась», устав вызывать благоверной врачей, по-тихому свалил к другой.

Три года назад Милютина, оставившая себе фамилию второго мужа, больше месяца отлежав в больнице, раз и навсегда «завязала». Она вновь стала следить за собой, подтянула кожу лица, надула ботексом тонкие от рождения губы, став походить на вполне успешную леди. Пока ее гражданский муж ездил по гастролям, она выучилась на специальных курсах, и стала на дому оказывать косметологические услуги. Дела шли хорошо, но иногда на нее наваливалась депрессия.

«И все же, странно все это, – думала Милютина, сидя в моторной лодке, на всех парах идущей к острову. – Почему это шоу решили снимать именно на острове, да еще и в далекой стране? Чем там думают эти телевизионщики? Хотя, если вдуматься, она сама ничегошеньки в этом не понимает. Наверняка они знают, что делают. А пятьдесят тысяч долларов еще никому лишними не были... А еще ее могут заметить и предложить сниматься. Хотя бы в рекламе...».

6.

«Как же хороша, чертовка», – тайком поглядывая на красивые стройные ноги Милютиной, думал сидящий рядом с ней Максим Коробченко, двадцативосьмилетний атлет с лысой, как будто лакированной головой, накачанной, как у Майка Тайсона шейей, и широченными плечами. – «Бедрa белые, почти нетронутые загаром, крепкие, такие, как я люблю. Под красной майкой довольно внушительного размера холмы. Наверное, еще упругие». – Облизав взглядом девушку и остановив его на пальцах ее рук, Макс с удовлетворением отметил, что обручальное кольцо у нее отсутствует. – «Даже если она и замужем, – продолжал думать он, – что с того? Баба что надо, зрелая, умелая и, наверняка, охочая до секса. А на острове мы будем минимум две недели. Что ж теперь, держать себя на голодном пайке? Ну уж нет, нужно будет активно за ней приударить. Тем более, что и конкурентов особо не видать.

Нужно будет, коль выпала такая возможность, – размышлял Максим, – не только на халяву отдохнуть и посветиться в телеке, но и заработать, использовать ее на всю катушку». Полотенце, маску, ласты он уже взял, а вот известное лекарство ему ни к чему. Оно ему не пригодится, у него с этой функцией все в порядке. А в том, что ему удастся охмурить красотку, Короб, как его называли друзья в фитнес-клубе, где он работал инструктором, даже не сомневался.

7.

Захар Викторов, сидевший у борта лодки, нагнулся и смачно, никого не стесняясь, высморкался в зеленую, почти прозрачную морскую воду. Не обращая внимания на брезгливые взгляды соседей, он зачерпнул руками теплой солоноватой воды, и умылся. Блаженно отфыркиваясь, натянул козырек своей белой парусиновой кепки на глаза и стал размышлять.

Это был высокий и стройный, несмотря на чуть выпирающий живот, шестидесятилетний мужчина. Большая, аккуратно подстриженная голова с седыми висками, спереди широкие залысины, чуть растопыренные борцовские уши, под густыми кустистыми бровями маленькие водянистые чуть навывкате серые глаза, крупный нос. Внизу жесткими вертикальными бороздами по обе стороны ото рта залегали глубокие морщины.

«А что, местечко вполне себе, – думал Викторов, который в своей жизни никогда за границей не был. – Нужно будет отдохнуть здесь, как следует, на солнышке понежиться, покупаться. Не думаю, что эти съемки будут продолжаться круглые сутки».

Когда-то, в молодости, Захар работал в милиции. Был сержантом патрульно-постовой службы. А сейчас он работал охранником в торговом центре, благо, что выглядел он максимум на пятьдесят и был вполне спортивного телосложения. Хотя, если честно, начальство уже потихоньку намекало

ему, что пора бы, дескать, уже и честь знать, годы-то какие. Пора на пенсию, на даче огород вскапывать, которой у него никогда не было. Жил Виктор в однокомнатной квартире с сорокапятилетней женой и восемнадцатилетней дочерью. Жена работала лифтером и еще подрабатывала уборщицей, дочь – студентка, а у него, кроме смешной пенсии и такой же зарплаты в охране, других источников дохода не наблюдалось. Зато долгов было выше крыши: и банковских кредитов, и денег, что он должен был соседям и товарищам. Кому по распискам, а кому и без них, по устной договоренности.

Но, несмотря на плачевное финансовое состояние, Захар, отчего-то, свято верил в то, что не сегодня-завтра ему улыбнется Фортуна, и откуда ни возьмись, на голову свалятся халывные деньги. Поэтому заморачиваться тем, чтобы думать, где ему взять эти самые деньги, он не спешил.

И точно. Как показало время, он был прав. Деньги свалились к нему на голову буквально с неба, при подписании контракта с энтэвэшниками, да еще какие! И все долги раздал, и еще осталось. Лишних вопросов он никому не задавал и в душе только посмеивался над остальными. – «Вот уж неймется людям, – думал он, когда в самолете началась дискуссия между другими участниками телешоу, – деньги платят, на курорт за свой счет везут, а они еще недовольны. Вопросы все какие-то друг другу задают.

«А в каких условиях мы будем жить? А как нас будут снимать? А почему сопровождавший нас молодой человек с на-

ми не полетел? Все это как-то странно! А вдруг это какая-то ловушка?..» Эти и еще множество вопросов задавали себе и друг другу эти обыватели, не находя ответов. А ему, Захару, плевать на все это хотелось, лишь бы с оставшимся гонораром за съемки передачи не кинули».

По прилету на выходе из здания аэропорта острова Крит их встречал пожилой жилистый грек с большими черными усами, державший в руках табличку «Съемки телепередачи НТВ «Стань артистом». Когда они собрались вокруг него, выяснилось, что русским языком тот не владеет. Провожатый, бормоча что-то на греческом, пересчитал их, и, убедившись, что все в сборе, повел на автобусную площадку, располагавшуюся неподалеку. Там их ждал небольшой автобус, оборудованный кондиционером. Протресея в нем почти два часа, путники оказались на берегу моря. Еще три часа на пароме, – и они на Гавдосе. Сопровождал их все тот же грек, встречавший их в аэропорту водитель автобуса. На острове он передал эстафету другому греку, выходцу из бывшего СССР, грузину по национальности. Но тот, несмотря на хорошее знание русского языка, отвечать на их вопросы отказался, сообщив, что ничего не знает. Мол, в его задачу входит лишь их доставка к месту переправы на Гавдопулу.

Высадив их около пологого берега, уходящего в море, автобус вместе с грузином уехал, а их встретили два грека, предложившие жестами проследовать за ними и сесть в катера, на которых они сейчас шли. Их провожатые тоже по-

русски ни бум-бум. Что ни говори, а странно это как-то. Он представлял себе все по-другому. Солидная, богатая, близкая к власти медиагруппа. Могли бы и по-другому к месту съемок сопроводить...

8.

В это время сидевший на корме во второй лодке Артем Алексеевич Шкандыба, пятидесятитрехлетний невысокий, полный мужчина с усами, докурив сигарету, бросил ее за борт. Он думал, что лодочник не заметит. Но находившийся в носовой части грек, громадина с длинными сильными ру-чищами, в этот момент как раз обернулся.

– Не можно, – покачав головой, с сильным акцентом крикнул он, исподлобья вперив в Шкандыбу недобрый взгляд. Видимо, это слово входило в его небогатый лексикон русского языка.

– Извините, – опутив голову, пробормотал Артем Алексеевич.

Нет, трусом он себя не считал, но когда на него так вот смотрели, ему становилось не по себе.

Вот уже почти тридцать лет Шкандыба работал в московском театре «Современник» в качестве завхоза. Жил он с женщиной на пять лет младше себя, которая родить ему не могла. Зато Рита была успешной бизнес-вумен, владела сетью магазинов по торговле косметикой и даже имела ученую степень кандидата психологических наук. Проживал с ней

Шкандыба в ее пятикомнатной квартире почти в центре города. Это был второй его брак. А первый...

Первый, как он считал, был крайне неудачен. Хотя от своей первой жены, Алевтины, у него было две взрослые дочери. Одну из них, младшую, впрочем, он своей не считал. Ему казалось, что жена нагуляла ее на стороне. Это-то и явилось основной причиной их развода. Да еще его мать, покойница, Царство ей Небесное, постоянно нашептывала ему: «Ты погляди, Алька-то, сучка, Маринку нагуляла. Не от тебя ведь, бьюсь об заклад! Да и не похожа она на тебя. Гляди, красавица какая растет. Не иначе, от Андрюшки Алябьева, школьного друга твоего».

Начались ссоры, Артем стал поднимать на жену руку. Но только до тех пор, пока та однажды ночью не приставила ему, спавшему, к горлу острый кухонный нож и не прошептала: «Еще раз, сучий потрох, руку на меня поднимешь, зарежу!»

При воспоминании об этом Артема передернуло. Он вспомнил, какой ненавистью дохнуло тогда от жены, и заново пережил весь тот ужас. Глядя тогда в ее бешеные глаза, вспоминая перекошенный дикой злобой змеящийся рот, изрыгавший ругательства вместе с летевшей на него слюной, Шкандыба испугался так, что чуть не обмочился. Дрожащим голосом заверив благоверную, что подобное больше не повторится, он решил уйти. Сделал это он на следующий же день, оставив двухкомнатную квартиру в пятиэтажной «хрущобе» Алевтине с дочерьми...

Вернулся мыслями в окружающую действительность он только тогда, когда мимо них метрах в сорока на большой скорости пронесся катер с одним человеком на борту. Катер шел со стороны Гавдопула.

«Наверное, телевизионщиков привез», – подумал Шкандыба и настроение его стало улучшаться.

9.

Олеся Казанцева, симпатичная двадцатитрехлетняя медсестра, работающая в неврологическом отделении одной из московских больниц, откинулась на спинку и блаженно зажмурилась. «Какой же сегодня все-таки сказочный день, – подумала она, – и как здорово будет оказаться на этом острове. После шумной, жаркой, насквозь пропитавшейся газами Москвы очутиться на солнечном берегу греческого острова – это прекрасно. А заработать такую сумму, какую она еще в своей жизни даже не держала в руках – это полезно. Разве не сказка совместить прекрасное с полезным?»

Несколько дней назад Олеся подписала договор с одной из энтэвэшных компаний и получила на руки немислимую для медсестры сумму, целых полтора миллиона. На работе она решила про это никому не говорить, а просто попросила трехнедельный отпуск. Казанцева была твердо убеждена, что до поры до времени никому ничего рассказывать нельзя, а то, что называется, «спугнешь фишку». Сколько раз в своей недолгой еще жизни она убеждалась в истинности

этого принципа. Порой ей всерьез казалось, что получив волю, произнесенные человеком слова начинают играть против него, и задуманное летит в тар-тарары. По этой же причине она не стала делиться «сенсационной новостью» и с мамой, с которой проживала в одной квартире, а незаметно собрала вещи, чиркнула напоследок пару строк и была такова.

«Нужно будет обязательно искупаться в этой изумительной теплой и прозрачной воде. А, впрочем, наверняка для этого времени будет навалом и к концу пребывания здесь купание успеет еще надоесть сто раз.

И все же, почему этот суперкомпьютер выбрал именно ее?»

10.

Сорокачетырехлетний бухгалтер Дмитрий Афиногенов, сидевший напротив Олеси, непривычно щурился на солнце. Ветра почти не было, а солнце жарило довольно сильно, да и брызги морской воды нет-нет, а попадали на его обширную плешь, благо, что сидел он у края лодки спиной к медленно надвигавшемуся острову Гавдопула. Щуплый, невысокий, с дурацкой, похожей на козлиную, бороденкой, но тем не менее добродушный и покладистый, он не вызывал у окружающих симпатии, но и не отталкивал их. Очки он снял еще тогда, когда садился в лодку, аккуратно уложив свои «вторые глаза» в замшевый футляр, а без них чувствовал себя не совсем уверенно.

Это был классический «ботан» и, как часто это случается, неудачник по жизни. Скованный, закомплексованный, вечно чего-то боявшийся. Маму, начальство и, особенно, женщин. Поэтому к своим преклонным годам женат он ни разу не был. Жил Дмитрий в однокомнатной квартире, находившейся около Московской кольцевой автодороги, приобретенной для него недавно компанией, где он работал вот уже 15 лет кряду. Удивительно, но Афиногенов как-то ухитрялся все время попадать в зависимость от всех и от всего.

На работе у него была кличка «Дебет», над ним часто подшучивали, но даже несмотря на то, что к своим годам он так и не сумел стать главным бухгалтером, уважали за профессионализм, аккуратность и исполнительность. А главным он еще станет, не все же блатным бездарям с опытом без году неделя ими становиться.

Тем более, что недавно его жизнь круто развернулась в лучшую сторону. Дмитрий попал на телепроект и своего он теперь не упустит, будет стараться изо всех сил. Хватит его жизни находиться в кредите, пора начать плавно перетекать в дебет, тем более, что и прозвище у него такое. А в том, что в жизни человека должен быть баланс, Афиногенов был уверен. Ведь он же до мозга костей бухгалтер.

11.

Игорь Бобков – высокий, сухощавый, уверенный в себе блондин, сегодня отмечал свои тридцать четыре года. Вер-

нее, пока еще не отмечал, но обязательно намеревался это сделать с новыми друзьями. Бобков работал экономистом в крупной торговой фирме, хорошо зарабатывал, был веселым и общительным молодым мужчиной. Жил он в своей собственной квартире в подмосковном Одинцове с молодой красавицей женой. И все бы ничего, но была у Игоря одна непонятная никому, кроме его друзей, привычка. Он практически ежедневно по вечерам слушал у себя дома музыку. Но вот закавыка, слушал он ее всегда только на полной громкости. Причем подолгу. Жизнь с ним рядом для соседей сбoku, сверху и снизу была настоящей пыткой и ни на какие просьбы, жалобы и неоднократные вызовы полиции Игорь не реагировал. Дважды за нарушение тишины его штрафовал мировой судья, но все продолжалось в прежнем ключе.

А еще Игорек любил большие и веселые компании. И нет, чтоб гульбанить в ресторане, так он их звал к себе. Напьются, натанцуются, и давай прикалываться. Один раз даже у смерть пьяного друга раздели догола и выставили на площадку перед квартирами. Так соседка, молодая виолончелистка, проживавшая одна, чуть с ума не сошла, пока он к ней полночи в дверь долбился. Перепутал в коматозе с квартирой друга. Что ж бывает. А жена у Бобка на отдыхе была в это время. Вот такой он этот Игорек – человек-праздник.

Сейчас он находился в отпуске, и приглашение на остров в качестве участника съемок телешоу пришлось для него очень даже к месту. Друзья-собутыльники с курортов еще не

вернулись, и «начинать сезон» было не с кем. А красавица жена устала от него и его дружков, и поехала с родителями в США к родственникам. Один дома, совсем один! Так, глядишь, и спиться недолго. А тут бац, и это приглашение. – «Ништяк, браток, банкуем!» – сказал он сам себе и, получив полтора ляма, отправился навстречу приключениям.

А соседи? Пусть, бедолаги, отдохнут без него! Он еще вернется, наплачутся еще с ним. Наверное.

12.

Юрист по земельным вопросам, Андрей Молодавченко, с неприязнью поглядел на сидевшего перед ним блондина, из наушников «дебильника» которого доносились истерические вопли гениальной песни: «Это не шутки, мы встретились в маршрутке!»

«Взрослый вроде мужик, а ведет себя как полный придурок», – подумал Андрей. Сам он считал себя серьезным и вдумчивым «решальщиком» по судебным земельным вопросам. Он имел связи везде: в судах, регистрационной службе, в службе судебных приставов и еще много-много где. И кормился за счет этих связей. Но в естественную для этих дел корпорацию под названием «адвокатура» вливаться не торопился. Незачем ему пока это – контроля много, а толку мало. Хотя, все идет к тому, что скоро в судах простых юристов уже не останется. Всех загонят в адвокатскую монополию...

Жил Андрей, припевающе, и это дурацкое приглашение

поначалу его смутило. Позвонило какое-то «разводило» и на остров пригласило. Он же не Буратино какой, чтобы разводиться его. Но, как говаривал приснопамятный Дон Корлеоне, «ему было сделано предложение, от которого он не мог отказать». Вернее, мог. Но, как говорится, «жадность фраера...». Впрочем, пока еще не погубила.

Подумав, Молодавченко решил согласиться, тем более, если ему дадут полтора миллиона в качестве некоей компенсации за бесцельно потерянное время. Артист из него, конечно, как из Путина адвокат, но проветриться не помешает. Тем более, что в отпуске он еще в этом году не был. А творчество – это штука тоже полезная. Вот друг его близкий, Серега, тоже, кстати, «решала», и тот хобби имеет. Стихи пишет, в каких-то конкурсах участвует, на большой сцене даже выступает. А Андрей что, хуже?

Вон уже и остров. Скорее бы! Дорога эта уже утомила. Не терпится поскорее помыться и отдохнуть. А дальше видно будет.

13.

Степан Емельяненко – владелец трех обменных пунктов в столице, а в недавнем прошлом капитан милиции из отдела по борьбе с экономическими преступлениями, глядя, как их лодка подплывает к пологому песчаному пляжу острова Гавдопула, удивился.

Он ожидал, что их будет встречать толпа телевизионщи-

ков во главе с ведущим программы. Надутые шариком, хлопком от шампанского, видеокамеры, красавица телеведущая или известный шоумен в качестве встречающих. Но... на острове ровным счетом никого не наблюдалось.

Сидевший на корме лодки, рядом с двигателем, грек заглушил его, и лодка, двигаясь по инерции, мягко подошла к берегу. Рядом, метрах в десяти от них, из второй лодки на берег уже высаживались их земляки.

Худой и жилистый Степан, подхватив свою единственную ношу – большую спортивную сумку с вещами, не снимая шлепок, аккуратно спрыгнул в теплую морскую воду, не забыв при этом галантно подать руку единственной в их лодке женщине.

Олеся, благодарно приняв помощь симпатичного брюнета средних лет, с которым она так и не успела познакомиться, тоже оказалась по колено в воде. Впрочем, спустя несколько мгновений они оба уже стояли на мягком песчаном покрывале.

Небольших размеров кусок суши, куда были высажены двенадцать жителей столицы России, представлял собой сплошной песчаный пляж, изредка прерываемый невысокими скалами, выходящими прямо в море. Кроме подушкообразных кустарников и громадного камня, установленного недалеко от места их высадки, на острове ничего не наблюдалось.

В самом его центре, на возвышенности, метрах в двухстах

от места их высадки, в окружении нескольких невысоких деревьев находился двухэтажный красавец особняк из белого камня с большими пластиковыми окнами. Дом был довольно большим и стоял несколько боком к ним. Казалось, он был необитаем, как и весь этот остров, на котором они оказались при таких странных обстоятельствах. Тишина и оторванность этой частички суши от прочего мира заставляли почувствовать здесь настоящую отрешенность от времени и мирской суеты.

Впрочем, вскоре они убедились, на острове они были не одни. Выйдя из особняка, к ним навстречу неспешно направлялся высокий, ладно скроенный мужчина на вид лет пятидесяти или чуть моложе с сединой на висках. Мужчина был в длинных белых шортах, майке и шлепанцах. В зубах он попихонски держал дорогую сигару.

– Русские? – коротко, безо всякого приветствия поинтересовался он, подойдя к участникам проекта.

– А ты сам-то кем будешь, мил человек? – не очень дружелюбно, но и без агрессии в голосе уточнил Коробченко, – неужто ведущий?

– Ведущий чего? – удивился мужчина. – Я сам тут минут пятнадцать всего нахожусь. Только и успел, что дом осмотреть.

– И как? – с насмешкой спросил Бобков. – Бабы есть? Водка, музыка? Я не понял, это что за прием такой, где все?

Однако не все прибывшие разделяли его веселый, безза-

ботный настрой. «Странное все-таки место» – такая мысль посетила большинство из них. – «И странный какой-то прием».

В этот момент лодки за их спиной синхронно взрвали моторами, и, выбросив в воздух клубы вонючего дыма, развернувшись, на всех парах рванули в обратный путь. Но уже без гостей из России.

Если бы они только знали, что всех их ждет на этом проклятом, Богом забытом острове...

Глава 2

– Судя по всему, ни в доме, ни на острове никого нет, – прищурившись, серьезно ответил незнакомец. – В столовой два холодильника до отказа набиты едой и спиртным. На столе лежит записка. Хозяева дома просят прощения за опоздание. Мол, какие-то телевизионщики приедут завтра, а на сегодня никаких мероприятий не запланировано. Кто мне объяснит, что все это значит?

– А вы сами кто такой и как сюда попали? – выйдя вперед, задал незнакомцу напрашивающийся сам собою вопрос Измestьев.

– Моя фамилия Стеклов, я – судья Московского городского суда, – сверху вниз посмотрел на него мужчина. – И, честно говоря, я не привык, чтобы меня допрашивали, но все же скажу. Мне написала письмо и попросила сюда приехать одна моя знакомая. – Видно было, что говорить об этом

с незнакомыми людьми ему не хотелось. – Она написала, что будет ждать меня здесь. Однако, ее тут нет.

– Видимо, вы прибыли на той лодке, что встретила нас по дороге? – подал голос Шкандыба.

– Так точно, – по-военному подтвердил судья.

– Да хватит уже стоять, давайте пройдем в дом, – с нетерпением предложила Андриевская. Подняв свои вещи, путники двинулись к дому.

Перед домом располагалась просторная терраса. Входная дверь была распахнута. Внутри особняк напоминал собой небольшой отель эконом класса, которые русские туристы во множестве могут наблюдать в том же Сочи или Крыму.

На первом этаже, прямо от входа находилась бетонная лестница с деревянными перилами, ведущая на второй. По обе стороны от входа, тянулся длинный и широкий коридор. Справа Екатерина насчитала шесть дверей. Две – с противоположной от входа стороне, одну в торце и три по входной стене. Слева еще четыре. По две почти напротив друг к другу.

Зайдя в дом первым, судья Стеклов, повернул налево, и предложил новым знакомым сначала пройти в столовую, находившуюся в конце коридора по правой стороне.

Столовая представляла собой прямоугольное помещение примерно четыре на шесть метров, вытянутое вперед от входа из коридора. В центре располагался длинный стол, составленный в одну линию из четырех обычных кухонных столов.

Он был накрыт скатертью, но не сервирован. Слева от входа стоял большой холодильник, его брат-близнец находился напротив него, тоже в углу, но противоположном. А между ними, словно вырубленный посередине огромного панорамного окна, располагался второй вход в помещение с улицы. Он был прикрыт обычной сеткой от насекомых, прибитой сверху, так, чтобы можно было почти беспрепятственно зайти в это помещение и выйти из него.

Напротив этого второго входа, в другой части столовой, располагалась стойка, за которой было еще какое-то небольшое помещение, закрытое черного цвета портьерой.

На краю стола лежал обычный лист офисной бумаги с текстом.

– Вот, полюбуйте́сь. – Судья взял его в руки и прочитал: *Здравствуйте, уважаемые участники проекта! От имени всего нашего коллектива приносим вам свои извинения. Мы вынуждены были отлучиться с острова до завтрашнего дня. Так сказать, наступили некие форс-мажорные обстоятельства, из-за которых мы вынуждены были срочно выехать на материк. Не волнуйтесь, ничего страшного не произошло, завтра же мы должны вернуться и начать знакомство с вами, а, возможно, и сам съемочный процесс. А сегодня предлагаем вам как следует отдохнуть. В доме для этого есть все необходимое. К сожалению, в силу вышеописанных обстоятельств, заселяться вам придется самостоятельно. Для этого на первом и втором этажах к*

вашим услугам 13 современных комфортабельных номеров. Остальные помещения вспомогательного назначения.

На двери каждого номера находится табличка с фамилией соответствующего участника, ключ от номера находится в замке. Заходите, располагайтесь, отдыхайте. В столовой, в холодильниках, к вашим услугам еда и напитки. Все продукты свежайшие. С любовью к вам, ваши друзья с телеканала НТВ!»

Когда судья закончил читать текст послания, Семенченко открыл холодильник и присвистнул: тот был напичкан едой, водкой, вином, шампанским, коньяком, фруктами, водой и соками.

– Ну, что, по номерам? – спросил Виктор, закидывая свою сумку на плечо.

– А я предлагаю сначала выбрать из нас старшего, – предложила Казанцева. – Того, кто бы мог собирать нас и управлять процессом пребывания на острове. Естественно, пока не приехали хозяева.

– И кого вы предлагаете, мисс? – дурашливо поинтересовался Бобков. – Уж не себя ли?

– Лично у меня почему-то больше доверия вот к этому мужчине, – не обращая внимания на колкость, произнесла Олеся, указав на Измествьева.

Прибывшие зашумели. Кто-то был с нею солидарен, а

кто-то предлагал судью, мотивируя это тем, что тот занимает большую должность в органах власти и наверняка умеет неплохо руководить людьми.

– Ха, други моя, – стал куражиться Бобков, – а кто вообще может поручиться, что это судья? Он что, показал нам свое удостоверение? У вас есть удостоверение? – спросил он Стеклова.

– Нет, удостоверения у меня нет. Когда я летел в Грецию, оно мне было без надобности.

– Ну вот, что я говорил, – заблажил Игорек, – я тоже могу представиться замом Путина, с таким же успехом.

– А я никому свою кандидатуру и не навязываю, – веско произнес Стеклов, зло глянув на Бобкова. С этой минуты между ними зародилась личная неприязнь. – Пусть нами руководит тот, кого предложили вы, – сказал он Олесе.

Голосования не было. Остальные приняли волю высказавшихся.

– Тогда позвольте представиться, – начал выбранный вождя. – Измestьев Олег Викторович, пятьдесят лет, офицер запаса. – Предлагаю каждому коротко представиться: назвать свою фамилию, имя и отчество, возраст и род деятельности.

Когда все поочередно представились, Измestьев предложил проследовать в свои номера, переодеться, сделать свои дела, и через полчаса собраться здесь же, в столовой.

Вера Андриевская поднялась на второй этаж последней. Две ее сумки как бы в знак примирения (хотя никакой ссоры и не существовало) ей помог донести Измestьев, комната которого располагалась также на этом этаже. Номер Веры находился справа от входа на этаж. С ней на этаже должны были жить шесть человек. Другие шестеро разместились внизу.

Комната ей понравилась. Напротив входа располагалось большое, почти во всю стену, окно, вид из которого открывался на море. Она зашла и огляделась. Сумки внутрь занес Измestьев. Поблагодарив его и дождавшись пока он выйдет, Андриевская присела на край застеленной кровати. Чувствовала она себя довольно сносно. Однако ощущение какой-то опасности, чего-то плохого, страшного и неотвратимого засело у нее глубоко внутри. И сколько она себя не уговаривала выкинуть все это из головы, ничего не помогало.

Взявшись за высокую изящную спинку широченной двухместной кровати, стоявшей в центре комнаты и примыкавшей к стене, она тяжело поднялась. Ноги отекали и болели. Стыдно было признаться даже самой себе, но факт налицо: она превращалась в больную старуху. А еще говорят, что в сорок пять баба ягодка опять...

Она прошлась по своему новому жилищу. Свежий, отдраенный до блеска паркетный пол, большая красивая люстра. Массивная итальянская спальня, которая, помимо кровати, включала в себя две прикроватные тумбочки, стоявшие по

обе стороны от изголовья, на одной из которых стоял торшер, большой платяной шкаф, мягкий пуф. У противоположной кровати стены массивный широкий комод с большим овальным зеркалом, над которым в углу располагался мощный кондиционер. Пульт от него валялся на кровати. Ванная комната с кафелем цвета морской волны и дорогой душевой кабиной Вере тоже понравилась. Жаль, конечно, что тут не было самой ванной. Ладно, она и так обойдется. Чай не королева. Обойдя свои новые владения, Андриевская прилегла на кровать, включила кондиционер и задумалась. Механические часы с маятником, висевшие на стене, показывали, что до времени общего сбора в столовой оставалось еще пятнадцать минут.

Едва судья Стеклов пересек порог своего номера, также находившегося на втором этаже, как его мысли вернулись к Анне. Но ненадолго. Довольно быстро он взял себя в руки и приказал себе не думать о любимой. Нужно было понять, что делать дальше. Ведь ясно же, что этот остров пуст и Лучкович здесь нет и в помине.

Иван Игнатьевич прибыл сюда незадолго до остальных гостей и успел за это время осмотреть дом. На втором этаже было двенадцать помещений, семь из которых представляли собой однотипные номера для гостей. Во входной двери каждого номера торчал ключ, а наверху висела табличка с

фамилией гостя, которому следовало в нем поселиться. Его собственный номер располагался в торце, справа от входа на этаж. Рядом с номером Стеклова, друг напротив друга, находились номера Измestьева и Андриевской. Остальные четыре, предназначавшиеся для заселения Афиногенова, Шкандыбы, Викторова и Молодавченко располагались в левой от входа части этажа. Другие комнаты были абсолютно пусты. Ключи от них также торчали в замочных скважинах дверей, ведущих в эти помещения.

Стеклов успел осмотреть и первый этаж. В его левой части, практически напротив столовой, располагался номер Казанцевой. Рядом с ним был номер Коробченко, а напротив него номер Емельяненко. Оставшиеся трое – Милютинна, Семенченко и Бобков, должны были поселиться в другой части этажа. Два помещения, расположенные рядом со входом в дом, слева, друг напротив друга, тоже пустовало. Как и во всех остальных помещениях этого странного особняка, ключи от входа в них тоже находились в замочных скважинах их входных дверей.

Иван прилег на кровать и задумался. Кто эти люди? Как долго он с ними будет тут находиться? И зачем ему все это было нужно? Сидел бы сейчас в своей Москве. Но нет же, примчался сюда ради нее. Анна, Анечка, Анюта! Волна воспоминаний снова накатила на него...

Игорь Бобков, наскоро обследовав свое новое жилище, остался им доволен. Сумку разбирать он не стал. Он сделает это вечером, когда станет готовиться ко сну. А сейчас он немного повалывается на кровати и пойдет купаться. Этот судья, Стеклов, который их встречал, доверия не вызывал. Да и на острове он оказался раньше остальных. Может, эти съемки уже начались и их решили просто разыграть? Все очень просто: понатыкали камер в каждый номер, как в передаче «За стеклом» или «Дом-2» и решили посмотреть, как прибывшие на остров москвичи поведут себя в такой ситуации. Тут все ясно и к гадалке не ходи.

Бобков вообще был человеком действия, и относился к той категории людей, которые не особо любят анализировать ситуацию, в которой они оказались. Он решительно поднялся с кровати, и, достав из сумки маску для подводного плавания, захлопнул дверь, мягко повернув ключ в замке.

«Интересно, есть ли в этом доме музыкальный центр? Нужно будет хорошенько поискать.

*Четыре негритенка пошли поплавать в море,
Один попался на крючок, и их осталось трое».*

Ха-ха-ха, – улыбнулся Игорек своим мыслям, вспомнив этот дурацкий стишок, запомнившийся ему, когда в детстве он читал книгу Агаты Кристи «Десять негрят». А что, в этом что-то есть...»

Пройдя в свой номер и осмотрев его, Измestьев подумал: «Если эти ребята с телевидения решили снимать современную версию «Необитаемого острова» или российский вариант сериала «Остаться в живых», то это действительно подходящее место». Однако что-то подсказывало ему, что это не так. Но что именно, он никак не мог уловить. Так бывает, мысль которая должна расставить все на свои места постоянно куда-то исчезает, оставляя того, кому она предназначалась, в тяжелых раздумьях.

На остров стремительно напoлзала темнота. Нет, купаться сегодня он уже не пойдет. Сейчас нужно подготовиться к ужину и обсудить за ним происходящее с другими. И нужно обязательно осмотреть весь дом. Что-то в нем не так. Хотя, уже поздно. Они сейчас поужинают, выпьют с дороги и никому это уже будет не нужно. Но завтра, если организаторы их пребывания здесь, не появятся, нужно будет это сделать в первую очередь.

Он открыл кран в душевой и пощупал воду. Есть и горячая, и холодная. Это хорошо. Не идти же, в конце концов, на званный ужин не помывшись. Скинув с себя надоевшую за день, пропитавшуюся потом одежду, Олег Викторович залез под упругие струи долгожданной влаги.

Олесе Казанцевой искать свои апартаменты долго не пришлось. Первое, что она увидела, выйдя из столовой, была

табличка на двери с ее фамилией. Дверь была не заперта, хотя и закрыта. Ключ находился в единственном внутреннем замке, располагавшемся под красивой золотистой дверной ручкой.

– Ва-у! – она вскрикнула от восторга, увидев большое окно, смотревшее прямо на море. От входа слева открытая дверь показывала ванную комнату с кафелем небесного цвета. Спальня была просто изумительна. Она походила по номеру. Вроде все необходимое есть. Девушка проверила выключатель торшера, стоявшего у изголовья широкой массивной кровати. Работает. Настроение резко улучшилось. Она стала готовиться к выходу в люди.

И все же это было не совсем то, что он ожидал. Нет, это не про номер. Он-то как раз был выше всяких похвал. Впрочем, еще посмотрим. Ровно в оговоренное время Андрей Молодавченко вышел из своей комнаты и стал спускаться вниз. Он усмехнулся своим мыслям. Две недели говорите? Все случится гораздо быстрее. Или он ошибается? Поглядим!

Екатерина готовилась к выходу. Она надела свое любимое маленькое черное платье и теперь крутилась перед огромным зеркалом. Чистые, еще слегка влажные после душа волосы, которые она успела вымыть, высушить и даже немного

подвить снизу. Длинные ресницы и умело наложенный макияж подчеркивали красоту лица. Средних размеров золотой крестик на изящной тонкой цепочке из драгоценного металла. Голые плечи. Платье сидело на ней идеально, а модные туфли на высоком каблуке после шлепок непривычно, но приятно облегли ступню.

Она не слышала, как он открыл дверь.

– А вы красавица! Вам никто об этом не говорил? – волнующим баритоном произнес Коробченко.

Милютина от неожиданности вскрикнула и обернулась. Перед ней стоял молодой красавец с липким взглядом, который плыл с ней вместе в одной лодке. На нем был легкий летний костюм песочного цвета и черные туфли.

– Давайте знакомиться, я – Макс, – просто сказал он.

Глава 3

Ужин был в самом разгаре. Готовить его не пришлось, все было приготовлено и разложено по столовым принадлежностям чьей-то заботливой невидимой рукой заранее. Изместьев и другие мужчины доставали еду и спиртное из холодильников, а женщины заправляли салаты и сервировали стол. Газовой или электрической плиты в доме не было, поэтому гостям пришлось довольствоваться не разогретой пищей. Хотя еда была выше всяких похвал, а спиртное просто отличным. Настроение у всех стало подниматься. Шкандыба рассуждал, что поскольку еда была отменного качества

и свежей, то хозяева особняка действительно покинули остров совсем недавно, возможно, перед самым их прибытием. Следовательно, у них и вправду могла случиться какая-то накладка, и завтра съемки все-таки начнутся.

Слегка захмелевший от хорошего виски Коробченко, стал более раскован и решителен, нашептывая что-то Екатерине на ушко. Та тоже раскраснелась от дорогого шампанского и весело хохотала. В глазах ее появились бесенята. Она очень боялась снова сорваться в алкогольный штопор, но отказать Максу было просто нереально.

Емельяненко и Викторов, несмотря на разность в возрасте, нашли общий язык, вспоминая годы милицейской службы. У них нашлись даже общие знакомые.

Молодавченко и Афиногенов обсуждали грядущую реформу рынка юридических и бухгалтерских услуг, попивая при этом прекрасное итальянское вино.

Четвертая, самая многочисленная группа гостей, сосредоточилась вокруг Измestьева и Стеклова. Первый на правах старшего расспрашивал второго о том, что тому удалось узнать о доме и острове до их прибытия. Стеклов, прихлебывая великолепное красное вино, охотно отвечал.

Когда гул столовых приборов почти стих, а сытые и заметно захмелевшие гости непринужденно болтали друг с другом, их умиротворенный настрой нарушил громкий женский голос.

Высокий, отрывистый, резкий...

– Внимание, тишина! Слушайте все!

Голос был словно гром среди ясного неба. Прибывшие от неожиданности вздрогнули, замолчали, и стали оглядываться по сторонам. Кто это говорит?

Голос тем временем продолжал – громко, четко, ясно:

Вам предъявляется следующее обвинение:

Олег Викторович Измestъев, – ваша жена, Анастасия Петровна Измestъева;

Артем Алексеевич Шкандыба, – ваша жена, Маргарита Федоровна Шкандыба;

Петр Михайлович Семенченко, – ваш отец, Михаил Петрович Семенченко;

Олеся Григорьевна Казанцева – ваша мать, Александра Антоновна Дрезко;

Екатерина Сергеевна Милютина, – ваш отец, Сергей Семенович Вершинин;

Игорь Семенович Бобков, – ваша мать, Светлана Александровна Бобкова;

Максим Андреевич Коробченко, – ваша сестра, Зоя Андреевна Голенихина;

Андрей Александрович Молодавченко, – ваш брат, Сергей Александрович Молодавченко;

Дмитрий Ильич Афиногенов – ваша мать, Валентина Еврафоновна Чувилина;

Степан Валерьевич Емельяненко – ваша мать, Ольга Матвеевна Емельяненко;

Захар Демьянович Викторов, – ваша жена, Наталья Алексеевна Викторова

Вера Артемовна Андриевская, – ваш сын, Алексей Фомич Андриевский

13 декабря 2015 года, являясь присяжными заседателями коллегии присяжных заседателей Московского городского суда, вынесли неправосудный обвинительный вердикт невиновному двадцатидвухлетнему Магницкому Антону Валерьевичу, обвиняемому в совершении убийства двух женщин с особой жестокостью и сопряженного с их изнасилованием.

Голос зазвенел металлом, почти срываясь на крик:

А вы, Иван Игнатьевич Стеклов, являясь судьей этого суда и председательствующим по данному делу, на основании обвинительного вердикта названных присяжных, приговорили означенного невиновного Магницкого Антона Валерьевича к пожизненному лишению свободы с содержанием в колонии особого режима, в результате чего, 13 мая 2016 года, незаконно осужденный Магницкий был убит в местах лишения свободы.

В какой-то момент, в голосе говорившей появились плаксивые нотки, но она быстро с этим справилась. Зато в нем проявилась лютая, нечеловеческая злоба:

... Вы все умрете! Все тринадцать. Один за другим, испытывая жуткий страх и отчаяние от безвыходности того положения, в котором оказались. Я хочу, чтобы перед

смертью каждый из вас понял, кто именно и за что мстит вам и вашим родственникам за безвинно убиенного по закону мальчика.

А ваши близкие, те, что, будучи судьями, сотворили этот беспредел, после того, как ваши трупы обнаружат, испытали то же самое, что испытала я после гибели своего единственного и любимого сына.

Будьте вы все прокляты и горите в аду. Ваша Анна Магницкая, в девичестве – Лучкович.

Голос умолк.

В течение нескольких мгновений стояла гробовая тишина, после чего Андриевская, закатив глаза и издав какой-то клокочущий звук, схватилась за сердце, и стала заваливаться на левый бок.

Держите ее! – крикнул находившийся напротив Веры Измestьев Шкандыбе и Молодавченко, сидевшим слева и справа от нее. Женщину подхватили, не давая ей упасть. К ним на помощь подоспели Афиногенов и Коробченко. Следом подошла Казанцева.

– Положите ее на диван и плесните ей немного коньяку, – попросила она мужчин.

– Откуда доносился этот голос? – мертвенно-бледными губами прошептала Вера, когда очнулась. – Это... это было так страшно... – Она снова потеряла сознание.

Олеся нащупала ее пульс и озабоченно покачала головой:

– Молодые люди, – обращаясь к Коробченко и Молодавченко, попросила Казанцева. – Я работаю медсестрой в Первой Градской больнице. У женщины все симптомы острой сердечной недостаточности. Мне нужно осмотреть ее, чтобы привести в чувства. Отнесите ее, пожалуйста, в номер, а я пойду с вами.

Когда Веру унесли, бледный как полотно Шкандыба трясущимися руками плеснул себе виски:

– Что это было? Это шутка? Дурацкий розыгрыш? Кто мне скажет, что это было?

– Не думаю, – растерянно пробормотал судья Стеклов. После услышанного, он находился в глубоком ступоре. Его Анна, его любимая? Она заманила его в числе прочих на этот остров, чтобы отомстить? Чтобы убить его? А тот нахальный молодой мажор, как его там? Антон Магницкий? Это был ее единственный и любимый сын, ее мальчик?

Остальные присутствующие сидели молча. Виктор вытирал платком взмокшие лоб и шею, Семенченко, сидя у края стола, весь ссутулился, его руки подрагивали мелкой дрожью и, чтобы другие это не заметили, он сцепил их в замок, наклоня корпус тела вперед.

Емельяненко откинул сетку, закрывавшую вход. Казалось, что он надеялся обнаружить за ней источник голоса. В столовой повеяло свежим морским воздухом. Звук набегавших волн стал слышен отчетливее. Остров окутала непро-

глядная тьма.

Изместьев расхаживал по кухне. Внешне он был спокоен, хотя на самом деле испытывал... нет, не страх, скажем так – дискомфорт. Бывший боевой офицер очень не любил, когда его враг сидел где-то в засаде и с какой стороны мог прилететь удар, было непонятно.

Милютину колотило от страха. Ей хотелось спрятаться за мощную, словно каменную, спину Макса. Но увы, его сейчас рядом не было. Она взяла в руки бутылку виски и плеснула себе в стакан от души, после чего, залпом, никого не стесняясь, махнула сразу граммов сто.

Изместьев наконец остановился и произнес:

– Нам нужно понять, кто включил эту запись, и где находится источник трансляции.

– Он доносился вон оттуда, – махнул в сторону стойки ресепшн Семенченко.

Судья Стеклов отодвинул ширму и зашел за нее. Там находился стоявший на столике музыкальный центр. Он был включен. Рядом с ним лежал пустой футляр от диска. Сам диск был внутри центра.

– Там музыкальный центр. Кто из вас его включил? – строго посмотрел на них судья Стеклов, – переводя тяжелый испытующий взгляд с одного присутствовавшего на другого. Его взор остановился на Бобкове, который почему-то находился за стойкой. – Это были вы? – с обличительной вежливостью, не предвещавшей ничего хорошего, поинтересовал-

ся он.

Бобков уже успел отойти от того потрясения, которое он испытал слушая тот страшный голос, и натянул на лицо привычную нагловатую маску. Он выглядел как школьник, разбивший мячом окно, которого схватили за руку соседи.

– Я не знал, что там стоит этот диск, – нервно улыбнулся он, – а просто хотел поставить музыку и объявить, что у меня сегодня День рождения, чтобы продолжить гульбан с танцуйками. Кстати, я требую продолжения банкета, – пьяно осклабился Игорь.

– Ты что, придурок? – глядя на него как на редкое животное, осведомился Стеклов. – Впрочем, – он осекся и примирительным тоном произнес, – поздравляю вас.

– Не нужно мне твоих поздравлений, сам ты придурок, – огрызнулся Бобков, но продолжать конфликт не стал. Тем более, что его довольно бесцеремонно отодвинули в сторону Измestьев и Викторов, пройдя к ширме, за которой и находился музыкальный центр.

– Удивительно, как это мы его не заметили сразу, – проворкотал Олег Викторович, щелкнув выключателем света. Через пару мгновений оттуда донесся удивленный возглас Измestьева.

– Здесь еще одна записка, какие-то стихи, – он зашелестел листом бумаги. – И игральные карты. Раздвинув шторы, Из-

местьев проворно вынырнул из кладовки и выложил на стойку ресепшн свою добычу.

Стоявшие рядом со стойкой с интересом его обступили. Наморщив лоб и щурясь, Олег Викторович почти неслышно стал шевелить губами, читая написанное

– Эх, забыл очки в номере? – сокрушенно качая головой, наконец, произнес он. – А без них...

– Дайте мне, я прочитаю, – нахально, выхватив из его рук листок с посланием, заявил именинник. Изместьев проводил его недобрый взглядом, но ничего не сказал.

Громким сиплым голосом Игорек загундосил:

«Тринадцать было их сначала.

Одна вдруг жутко закричала,

Перепугав других немало.

И на одну их меньше стало.

Осталось их двенадцать

Пошли они купаться.

Вдруг одного унес дельфин,

И стало их меньше еще на один.

Одиннадцать их было.

Один среди них Чикатило.

С другою пошалил он малость,

И десять их осталось.

Десять судей друг над другом

Решили суд затеять,

Тщетны были их потуги,

И их осталось девять.
Ночь наступила,
Пришел Чикатило.
Милости просим, –
И стало их восемь.
Стоял погожий теплый день,
И вдруг один из них упал.
Глядь, а в груди его кинжал,
И их осталось семь.
Шесть трупов, семеро живых,
У одного схватил живот
От двух ранений ножевых,
И стало все наоборот.
Один из шестерых – маньяк,
Он вместе с ними пьет коньяк,
Легли они поспать,
И их осталось пять.
Пятеро сели покушать,
Стали друг друга слушать,
Один подавился из них,
И четверо стало их.
Преступник одного убил,
А двух в ловушку заманил,
Бах-бах, и нету их,
И подошел к концу мой стих.
Убийца трупы посчитал,

*Раскаяние испытал,
Пересчитал и прослезился,
Пошел, и с горя утопился!»*

Следом, также напечатанная на компьютере, шла приписка:

*«P.S. Рядом с этим листом лежит тринадцать играль-
ных карт. Двенадцать из них – красные, и одна черная. Все
как в знаменитой игре «Мафия». Один из вас – ваш гробов-
щик. Он будет беспощадно убивать вас везде, где бы вы ни
были. Один труп – одной картой меньше. И так до конца,
пока он не перебьет вас всех. Этот остров станет вашим
последним пристанищем на грешной Земле. Ну что, поигра-
ем?»*

Когда Бобков дочитал и поднял глаза, в столовой были все в сборе, за исключением Андриевской. Несмотря на всю его браваду, противный липкий холодок пробежал у Игоря по спине. Каким-то шестым чувством он понял, что это не шутка и их действительно собрались убивать. Казалось, это понимали и остальные.

– Не знаю как вы, а я, пожалуй, выпью, – обескураженно пробормотал Емельяненко, и потянулся за бутылкой.

– Пожалуй, я составлю вам компанию, – принял его предложение Викторов, делая то же самое. Все без исключения последовали за ними. Большинство предпочитало виски и коньяк. Казанцева попросила Афиногенова налить ей вина. Все хотели взбодриться и снять стресс.

– С этой женщиной, Верой, должно быть все нормально, – закашлявшись от попавшего не в то горло вина, сказала Олеся. – Я дала ей убойную дозу лекарства, понижающего давление и сердцебиение, которое было при ней, и она уснула.

Все молча, словно по команде, налили по второй. Однако Измestьев поднял руку.

– На правах избранного вами старшего, я бы хотел, чтобы мы провели бы сейчас с вами некое подобие расследования того, что только что случилось, – сказал он. – А поскольку среди нас находится человек, который представился нам судьей, и его слова подтвердил тот женский голос, который всех нас так испугал, то думаю, что логично было бы предоставить слово ему. – Олег Викторович вопросительно глянул на сидевшего рядом с ним Стеклова. – И прошу Вас, расскажите нам о том судебном процессе, над Антоном Магницким.

Судья Стеков вздохнул, подал корпус тела немного вперед, и начал свое повествование.

– Этот процесс начался в начале осени прошлого года. Антон Магницкий, как сказала только что Анна, обвинялся в убийстве и изнасиловании двух молодых женщин.

– Вы знали эту женщину, я имею ввиду Анну, ранее? – поинтересовался у него сидевший во главе стола Измestьев.

– Да, знал, – отвел в сторону глаза Стеков. – Говорить

на эту тему ему было неприятно. – Это именно та женщина, которая пригласила меня на этот остров письмом.

– Это письмо у вас сохранилось? – жестко глянул ему в глаза бывший офицер.

– Да, но я не уверен, что его нужно сейчас демонстрировать, – поморщился Стеклов. – Оно очень личного характера. Тем более, что оно осталось в номере. Скажу только, что Анна, когда-то в юности была моей любимой женщиной, но у нас не сложилось. Мы расстались. А то, что Магницкий был ее сыном, я узнал только что.

– Хорошо, давайте дальше.

– Свою вину в содеянном Магницкий категорически отрицал. Но лично я, а как оказалось, и присяжные, были уверены, что убийца и насильник именно он. Очень уж убедительны были доказательства, представленные стороной обвинения. – Вспоминая, он немного помолчал. – Тела двух несчастных потерпевших были обнаружены с интервалом в несколько дней в Измайловском парке, причем недалеко друг от друга. По заключениям судебно-медицинских экспертов, женщины перед тем, как их убили, были изнасилованы. Рядом с телами полицией были обнаружены презервативы с имевшейся в них спермой. Она, как было указано в экспертных заключениях, принадлежала подсудимому. Оснований не доверять этим экспертам у меня не было. Комиссия состояла из трех уважаемых медиков со стажем экспертной работы от десяти до тридцати пяти лет. По-моему, если мне

не изменяет память, и я ничего не путаю, двое из них были кандидатами медицинских наук.

Алиби у Магницкого не было. Ни в первом, ни во втором случае. Никто из допрошенных по делу свидетелей подсудимого в момент совершения преступлений не видел. Следствие запросило распечатки телефонных переговоров Магницкого. Выяснилось, что определить его место нахождения в момент совершения преступлений тоже не представилось возможным. Я для себя сделал вывод, что идя на дело, он оставлял телефон дома или в другом месте, чтобы его невозможно было вычислить по биллингу.

– И вы дали ему пожизненно? – с уважением спросила уже достаточно пьяная Милютина.

– Да, дал, – посмотрел на нее судья. – Я и сейчас уверен, что преступником был именно он. – К тому же, что бывает нечасто, присяжные признали его виновным единогласно, и посчитали, что он не заслуживает снисхождения.

– И правильно сделали, – поддержал судью Викторов. – Нечего таким уродам землю-матушку топтать, туда ему и дорога. А то, что этот Магницкий погиб в колонии, вина не ваша, Вы все правильно сделали. Лично я так считаю.

Он хотел еще-то что-то сказать, но Измestьев его прервал:

– Ладно, думаю, что нам нужно ложиться спать, время уже позднее. Все посмотрели на часы. По местному времени была уже полночь.

– Да, Вы правы, нужно идти спать, – поддержал его Еме-

Льяненко.

Остальные тоже были согласны с ними.

– А кто будет убирать со стола? – спросила Казанцева.

– Утром уберем, – икнув, ответила ей Милютина, прижавшись к Коробченко.

– Олеся, – обращаясь к Казанцевой, попросил Измestьев, вы не посмотрите, как там себя чувствует наша сердечница? – И, видя, появившийся на лице девушки страх, подбодрил ее: – Не бойтесь, я вас потом провожу.

Остальные, задвигали стульями, встали, и, поглядывая друг на друга, разошлись по своим номерам.

Игральные карты и послание со стихами остались лежать на стойке ресепшн.

Коридоры первого и второго этажей заливал свет. Дом был просторный, удобный и современный. Никаких потайных помещений в нем, судя по всему, не было. Никаких посторонних звуков или скрипов слышно не тоже было. Чердака или подвала, либо хотя бы погреба тоже не наблюдалось. Вряд ли в этом доме мог притаиться посторонний.

Но именно это и пугало.

В коридоре первого этажа все пожелали друг другу приятных снов и разошлись.

Убедившись, что с Андриевской все в порядке, и она доглядывает десятый сон, Измestьев проводил Казанцеву до ее номера на первом этаже, и поднялся к себе.

Оставляя входные двери в свои комнаты незапертыми

никто не решился.

Плотно прикрыв дверь и повернув ключ в замке, судья Стеклов разделся, залез в душевую кабину и встал под упругие струи душа. Он осмысливал произошедшее. Этот Магницкий. Да, он возненавидел подсудимого на том процессе. Как же, сын олигарха. Новенький с иголочки дорогой костюм-двойка на стройном, подтянутом, знавшем толк в спортивных упражнениях теле. Короткая стрижка, симпатичное лицо. Дорогие очки. Наглая, самоуверенная рожа. А как он позволял себе вести себя в зале суда! Перебивал каждого свидетеля, пытался вставлять свои комментарии при оглашении материалов дела... И это ее сын? Он попытался убедить Антона, что свою вину тот должен признать, неоднократно повторяя, что доказательства свидетельствуют именно о том, что эти деяния совершены именно им. Но Магницкий не слушал. Признай тот вину, и наказание наверняка было бы мягче. Что ж, это было его право. А он... он ни в чем не виноват.

Выйдя из душа и наскоро вытерев тело полотенцем, он закрыл открытое окно, включил кондиционер, выключил свет и, разобрав душистую чистую постель, лег спать.

Милутиной не спалось. Лежа в постели, она то и дело при-

слушивалась к окружающим звукам. Но звуков не было. Все было тихо. Тишина была для нее непривычна и по телу поползли мурашки.

Этот голос. Он очень сильно ее напугал. О том, что ее отец участвовал в суде присяжных, Кате было неизвестно. Папа ничего ей не рассказывал. Да и, если честно, родителей она видела крайне редко. Жили они достаточно далеко, и если даже и приезжали, то лишь для того, чтобы убедиться, что она еще жива и здорова. Иногда даже оставляли ей дочь.

Она уже стала засыпать, как вдруг услышала какой-то шорох у двери и негромкий мужской голос, который звал ее по имени. Сердце бешено заколотилось, но спустя мгновение она поняла, что это голос Максима.

Екатерина встала с кровати, включила свет, и на цыпочках подошла к двери.

– Катя, это я, – опять послышался тихий шепот из-за двери, – открой мне!

Она уже потянулась к ключу, для того, чтобы его повернуть и впустить Коробченко к себе, но внезапно ее осенило: «А вдруг тот загадочный убийца – это Макс?» В памяти сразу всплыл тот дурацкий стишок:

*...Одна вдруг жутко закричала,
Перепугав других немало.*

И на одну их меньше стало.

Ну, уж нет, она не такая дура, чтобы так рисковать. Что она вообще о нем знает? Кто он такой, этот Максим. Смаз-

ливый качок? А по совместительству маньяк-сообщник поехавшей на своем горе Анны?

– Максим, я плохо себя чувствую, – мягко, чтобы не обидеть понравившегося ей мужчину, сказала она. – Иди спать, завтра обо всем поговорим.

Он что-то еще говорил, но она уже отошла от двери. Выключив свет, Катя подошла к кровати, чтобы лечь, и в этот самый момент раздался этот приглушенный, но от того не менее ужасный, леденящий душу женский крик. Он доносился со второго этажа.

– Помогите! А-а-а! Помогите же, хоть кто-нибудь!!!

Милютину затрясло, как в приступе лихорадки. Не прошло и минуты, как она, накинув халат, выскочила из своего номера в освещенный коридор первого этажа. Вместе с ней из своих комнат уже выходили заспанные Семенченко, Казанцева и Емельяненко.

– Что это было? Что случилось? – спрашивали они друг друга.

Спустя еще полминуты все четверо стояли около открытой настежь входной двери номера Андриевской, где уже толпились остальные гости, жившие на втором этаже.

– Докторшу, сестру эту позовите скорей! – донесся из номера Веры голос Измествева.

– Я тут, уже иду, – ответила ему Олеся, протискиваясь через находившихся в номере мужчин.

Казанцева подошла к кровати Веры, на которой поверх

одеяла безжизненно, с мертвенно бледным лицом, лежала ее хозяйка. Прикроватный торшер был включен. Олеся пощупала ей пульс. Андриевская была жива, но находилась без сознания.

– Что здесь произошло? – спросила она стоявших рядом Измestьева и Стеклова.

– Когда мы выбили ее дверь, мне показалось, что в тот угол, под шкафом, что-то юркнуло, – вдруг сказал Стеклов.

– Юркнуло? – удивленно вытаращились на него остальные.

– Да-да, именно. Туда что-то заползло, – волнуясь, сказал судья.

– Пакет какой-то лежит полиэтиленовый, – осторожно подойдя к тому месту, куда показывал рукой Стеклов, принес Викторoв. Он наклонился и взял пакет в руки, но в ужасе отшатнулся. Под пакетом перед расщелиной, имевшейся между полом и стеной, свернувшись в клубок, притаилась сероватого цвета змея.

Она была длиной около метра с рисунком из охристой полосы вдоль хребта, по бокам которой шли крупные ярко-охристые пятна с черной окантовкой.

Викторoв в страхе попятился назад и чуть не упал. Из его уст произвольно вырвалось грязное ругательство.

Остальные окаменели от ужаса. Увидев людей, змея стала грозно шипеть, и, быстро распрямившись, стремительно поползла в сторону выхода из номера, вызвав среди стоявших

на ее пути настоящую панику.

Едва грозная рептилия покинула пределы номера Андриевской, как Милютина, молниеносно, заскочившая после нее из коридора в комнату и захлопнувшая за собой дверь, спросила:

– Она ее ужалила, да?! – Женщина была близка к истерике. Не на шутку напуганы и встревожены были и остальные. – А вдруг тут есть еще змеи? Или ядовитые пауки?

Каждый из них опасливо осмотрелся, но в номере было пусто.

– Я думаю, что больше тут змей нет, – спокойно сказал Стеклов. – Мне кажется, что если бы они тут были, то уползли бы вместе с той. А вот поймать ее и убить или изолировать нужно обязательно, чтобы она больше никого не потревожила. А укусить Веру змея не могла. Андриевская, скорее всего, просто жутко перепугалась, когда та, шумя пакетом, ее разбудила

Другие с ним были согласны. Измestьев, Стеклов и Бобков двинулись на поиски пресмыкающегося гада. Остальные, кроме Коробченко, добровольно взявшегося починить выбитый замок, опасливо озираясь, отправились к себе.

Олеся, дав пришедшей в себя Андриевской какие-то таблетки, попросила ее не волноваться и ложиться спать. Впрочем, какое-то время ей понадобилось, чтобы окончательно успокоить и уложить спать испытавшую второй раз за вечер большой стресс хозяйку. К этому времени Макс закончил

свою работу, и они вдвоем с чувством выполненного долга покинули номер Андриевской.

Глава 4

8 сентября 2016 года, четверг.

Боевому офицеру, подполковнику Измestьеву, снился сон... Вот он в окружении своих старых друзей, которых уже на этом свете нет, сидит за столом у себя дома, в двухкомнатной квартире на первом этаже панельной многоэтажки. Они выпивают, смеются, что-то друг другу говорят. Одеты все в обычную гражданскую форму одежды, оружия ни у кого нет.

Он бросает взгляд через большую застекленную лоджию на улицу и видит, что от леса к его дому бегут «духи». Бородачей человек двести, не меньше. Все в военной форме цвета хаки, у кого в руках пулемет, у кого «калаш», а у кого – граната. Все, кто находится между ними и домом Измestьева, подростки, женщины, дети в панике разбегаются и кричат от ужаса.

Их всего пятеро: Олег и его четыре друга и однополчанина. Один хватает кухонный нож, остальные тоже вооружаются, кто чем может.

Измestьев вспоминает, что в соседней комнате, на ковре, висящем на стене, хранится его боевой офицерский кортик. Это шанс, хотя и призрачный. Тут любому ясно, что он и его друзья – покойники. Помощь подойти просто не успеет. Но

они давали воинскую присягу, и будут стоять до последнего!

Олег срывает кортик и несется к друзьям. В коридоре лежит труп... Нет, этого не может быть, откуда он здесь... Но нет, все верно, это труп Бобкова. У него прострелена грудь. Внезапно Игорь открывает глаза и, нагло скалясь, произносит: – Ну что, начальник, включай музыку! – Его мертвые губы изгибаются... Что он делает? Хохоchet? – Включай траурный марш Шопена!..

Сердце сейчас выпрыгнет из груди. Что? Он так и думал – та комната, где он оставил друзей, сплошь завалена трупами. Стеклов, Афиногенов, Казанцева...

«Боже, Боже мой! Они здесь все, все, кто был с ним на острове, их ровно двенадцать! А он что, тринадцатый?»

Вдруг его взгляд падает на лоджию. Окно выбито и через него в квартиру лезет боевик. Длинная борода, хищный взгляд. У него пулемет «РПК». Все, он уже в комнате, но Олега, спрятавшегося за хлипкой стенкой в коридоре, пока не видит.

Медлить нельзя. План таков: Олег ждет, пока враг замешкается или отвернется и подойдет ближе. Тогда он выскочит из своего укрытия и ударит противника кортиком в живот. А после, завладев трофейным пулеметом, дает бой...

Моджахед, идет в его сторону. Он отворачивается назад. Все, пора!

Крепко сжав кортик, Олег бросается вперед. Три шага, всего три...

Раз, два... «Дух» оборачивается. Три. Он и враг оказываются лицом к лицу. Измestьев бьет его кортиком в живот, тот сгибается и... смеется?

Он хохочет ему в лицо. У него бронежилет. Последнее, что Олег слышит и видит – это то, как из пулемета моджахеда вылетает снап пламени, и раздаются выстрелы: бах-бах-бах...

Измestьев проснулся от того, что кто-то долбил кулаками в его дверь. Комната была залита солнечным светом.

– Командир, открывай, беда! – донесся до него знакомый мужской голос. Но разобрать спросонья, кто это мог быть, Измestьев так и не сумел.

Когда он открыл, перед ним стоял Коробченко.

– Что случилось? – как можно спокойнее спросил Олег Викторович, хотя сердце его колотилось с дикой силой. Уж слишком экстремальным было его пробуждение после такого же беспокойного сна.

– Медсестра. Она не дышит. Ее задушили у себя в номере.

– Олеся?! – Олег посерел. Мгновенно одевшись, словно по боевой тревоге, он и сопровождавший его Короб поспешили вниз.

Измestьев склонился над кроватью, на которой лицом вверх с широко раскрытыми, буквально выпученными от предсмертного ужаса глазами, неподвижно лежала Казанцева.

Большинство из гостей острова ко времени их с Максом

прихода, уже находились здесь. Следом за ними в комнату вошли Стеклов, Андриевская и Молодавченко.

– Выведите ее отсюда, – показав на Веру, попросил он. Женщину молча взяли под руки Коробченко и Молодавченко, и вывели ее в коридор.

– Что это у нее зажато в руке? – Измestьев поднял левую руку жертвы, кисть которой была сжата в кулак. Разжать его было не так просто, рука окоченела и никак не поддавалась. Наконец, Олегу это удалось. В его руках оказалась... карта. Это была дама червей.

– Кто и когда ее обнаружил? – спросил судья Стеклов у присутствующих.

– Я, – испуганно ответила заплаканная Милютина, стоявшая рядом с ним. – Я завела будильник на семь часов, хотела встать пораньше, чтобы убрать со стола и помыть посуду. Андриевскую беспокоить я не хотела. – Она всхлипнула, – а к Олесе решила зайти. Ну, чтобы она мне помогла. Дверь была закрыта. Я постучала, но мне никто не ответил. Я думала, что она спит, хотела уже идти начинать сама, но решила дернуть за ручку. Дверь была не заперта и открылась. Я зашла и... и остолбенела...

Видя, что она сейчас снова расплачется, Стеклов быстро спросил:

– Обстановка здесь, когда вы обнаружили Казанцеву

мертвой, была такой же, как сейчас? Вы ничего не трогали, не передвигали? Все осталось, как было?

– Да. То есть, нет. – Она вытерла слезы. – Я не пойму, что вы у меня спросили?.. Ах да... Нет, все осталось так, как было.

– Что было потом? – пристально глядя на нее, осведомился судья.

– Я очень сильно испугалась! Я... я выбежала отсюда в коридор и стала звать на помощь. Потом побежала к Максусу... э-э, в смысле Коробченко. Потом все стали выходить... В общем, вот так.

– А чем ее задушили? Веревку или что-нибудь еще вы не видели? – уточнил Стеклов, осматривая труп.

– Нет, – я же говорю, все было именно так, как сейчас, никакой веревки не было, – всхлипывая и отворачиваясь от страшного зрелища, ответила женщина.

– Я, конечно, не эксперт, – выдал свое заключение Стеклов, – но, думаю, что девчонка была задушена этой подушкой. – Он показал на лежавшую у изголовья перину. – Следов насилия на теле вроде бы нет, странгуляционной борозды на шее тоже. А положение тела потерпевшей и ее рук свидетельствуют о том, что она сопротивлялась. Возможно, – он покосился на стоявшего рядом Измествева, – преступник зашел в номер за ней следом. Или уже поджидал ее здесь.

Присутствующие оживились.

– Ясно одно, – продолжал судья, – девушка, возвратив-

шись от Андриевской, не успела даже раздеться.

– Точно, – серьезно сказал Бобков, – ночью, там, наверху, она была в этом полосатом халате...

– А под ним, – закончил его мысль Емельяненко, – находится ночная рубашка. Ночью, выходя из номера, чтобы подняться к Андриевской, Олеся накинула халат, а снять его не успела, потому что на нее напал убийца.

– А где ключ от номера? – подал голос молчавший до этого Измestьев.

– Вот он, в замке, – ответил стоявший ближе всех к выходу Афиногенов.

– Значит, туда его сунул преступник! Или он все же ждал ее тут? – Олег задумался. – А после убийства взял у Олеси ключ и вложил в ее руку карту?

– Следовательно, – подал голос Шкандыба, – он должен был сначала пройти на кухню, взять там карту, а уже потом напасть на девчонку. Не собирался же он снова возвращаться сюда только ради этого?

– Вам бы следователем работать, – похвалил его Стеклов. – Правильно. – Глаза судьи загорелись азартом ищейки, напавшей на след дичи. – Нужно обыскать весь этот номер, перевернуть тут все вверх дном, вдруг что-нибудь обнаружится. И неплохо было бы тщательно осмотреть весь дом, но это потом. Для начала нужно оперативно допросить абсолютно всех, включая Андриевскую. Нужно узнать, кто и что делал после того, как ушел ночью от нее. И еще. Давай-

те найдем место для трупа и отнесем его туда. А карты? Посмотрите, сколько их осталось? Двенадцать?

Труп Олеси решено было положить в одном из пустовавших помещений на первом этаже, что незамедлительно и было сделано. После осмотра ее номера и всех пустующих помещений дома, который ничего не дал, оставшиеся двенадцать собрались в столовой.

– Может, сначала привести себя в порядок, а потом уже продолжить? – спросил Молодавченко, попеременно переводя взгляд то на Измestьева, то на Стеклова.

– Я тоже так думаю, – поддержала было его Милютина, но осеклась, вспомнив широко раскрытые мертвые глаза Казанцевой.

– Неплохо бы убраться здесь, да и завтрак собрать не помещало бы, – предложил в свою очередь Семенченко.

Стеков покачал головой.

– Я думаю, что все это мы сделать еще успеем. Сейчас важно четко понимать, кто и где из нас находился этой ночью до того, как труп девушки был обнаружен в ее комнате.

– Давайте с вас и начнем, – предложил Стекову Измestьев, чувствовавший стремительную потерю своих позиций как старшего. – Что делали вы после того, как змея уползла из номера Андриевской?

– Хорошо, – спокойно ответил судья. – Я вместе с вами, уважаемый Олег... э-э... Викторovich и вот этим молодым

человеком, – кивком головы он указал на Бобкова, сидевшего на небольшом диванчике, рядом с холодильником, – убил и выбросил из дома змею. После чего...

– Кстати, расскажите, как это было, – перебила его Милютина.

– Охотно, – кивнул ей судья. – Змея уползла в дальний угол этажа, к номеру вот этого мужчины, извините, не помню, как вас?

– Захар Демьяныч, – ответил Викторов.

– Поскольку между полом и дверьми номеров никаких щелей нет, а по лестнице, как вы понимаете, ползти ей было не резон, то она была загнана в угол, а потому крайне опасна. Это уже потом я понял, что, скорее всего, она была не ядовитой.

Я попросил его, – кивнул он на Бобкова, – принести из столовой деревянный табурет, взял его и несколькими ударами размозжил змее голову.

– Подтверждаю, – ухмыльнулся Бобков, – это было захватывающее зрелище.

Живущие на втором этаже и видевшие все это своими глазами, согласно закивали.

– Ну, а потом, – закончил свой рассказ судья, – я спустился вниз, выбросил убитую змею, поставил разбитый стул сюда, и пошел спать. До утра из своего номера я больше не выходил.

– Да, со змеей было именно все так, как рассказал судья, –

подтвердил Измestьев. – После этого я тоже пошел спать и не выходил из номера, до того, как меня разбудил Максим. – А теперь давайте будем высказываться по порядку, слева направо. Начнем с Екатерины.

– Когда змея выползла, – сообщила Милютина, – я сразу спустилась в свой номер, закрылась и залезла в кровать. Остальное я уже рассказывала.

– Я починил замок в двери Веры и пошел спать, – пожал плечами Максим, сидевший рядом с Екатериной. – Проснулся утром от крика и стука в дверь Кати.

– Что до меня, – заговорил Афиногенов, – то я тоже после происшествия сразу пошел спать.

Остальные поведали примерно то же самое.

– Но ведь кто-то же ее убил! – стал горячиться Измestьев, – и никто ничего не видел? Быть этого не может.

Стеклов нервно забарабанил пальцами по столу:

– Номер Казанцевой обыскали. Ничего, что могло бы дать хоть малейшую зацепку, кто из нас является убийцей, обнаружено не было. У меня складывается впечатление, что инцидент со змеей был специально придуман преступником, чтобы отвлечь наше внимание. И пока мы за ней гонялись, он, возможно, спрятался в номере убитой.

Он откашлялся и полез за портсигаром и зажигалкой. Вынув короткую толстую кофейного цвета сигару, и размяв ее, судья прикурил и, глубоко затянувшись, спохватился:

– Никто не возражает, что я тут курю?

– Давайте уже продолжайте, не обращая внимания на это, попросил Измestьев. – У нас тут труп. Вполне возможно будут еще. Если мы не найдем эту гниду. Не до церемоний.

– Конечно, гипотетически это мог быть и я, – продолжал Стеклов. – Ведь я выбрасывал змею и заносил стул, которым ее убил в столовую. Я мог бы взять карту и прокрасться в номер Олеси, благо, что он рядом. Но дело в том, что я этого не делал, поскольку, поднимаясь на второй этаж, я встретил на лестнице саму Казанцеву и сопровождавшего ее Коробченко. Они как раз спускались вниз. Не так ли? – он пристально глянул в глаза Максиму.

Коробченко спокойно выдержал его тяжелый, гнетущий взгляд и подтвердил:

– Да, это действительно так. Но Олесю я не провожал. Едва спустившись, мы разошлись. Она к себе, а я к себе.

– Кто это может подтвердить? – быстро уточнил Измestьев.

– Наверное, никто, – растерялся спортсмен.

– Таа-к, – прищурился Олег Викторович, – значит последним, кого видели с Олесей, были вы?

– Да вы чо, – меня подозреваете, – вскинулся Короб.

– А кого еще можно подозревать, – ядовито осведомился Бобков. – Ты – качок. Здоровый, как бык. Прокрался потом сюда, взял карту, постучал к ней в дверь, якобы забыл что-то сказать или еще что-нибудь, заткнул ей рот, повалил на кровать и задушил. Силы в тебе немерено, дури тоже...

– Слышь, ты за словами следи! – окрысился Макс. – У тебя, что доказательства есть, что так все было?

– Пока нет, – нервно ответил Игорь, – но я за тобой при-
смотрю, уж больно ты мне не нравишься, паря.

– Цыц! – шикнул на обоих Измestьев. – А ну успокоились,
и давайте без эмоций. – Максим, а вы не обижайтесь, но,
действительно, вам это было сделать проще всего, не так ли?

– Послушайте, – внезапно Коробченко оживился. – Мне
кажется, я знаю, что нужно сделать.

– И что же? – поинтересовался Стеклов.

– Эта Анна Лучкович и ее сообщник, ну, тот, что среди
нас, кое-что не приняли во внимание.

– Что именно?

– А то, – огрызнулся подозреваемый. – Я тут подумал...
я же спортсмен, хорошо плаваю, дыхалка – что надо, вынос-
ливость тоже. – Он поднялся со своего места и прошелся по
кухне, – опять же, маска с трубкой для подводного плавания
у меня с собой и ласты. Можно еще для подстраховки де-
ревяшку какую-нибудь взять, и поплыть на Гавдос. Вызвать
там полицию, пусть пришлют сюда людей, найдут убийцу, а
вас эвакуируют.

Остальные присутствующие молчали, осмысливая сказан-
ное.

– Ага, чтобы ты смылся отсюда? – глумливо хохотнул Иго-
рек. – Совершил убийство и тикать? А потом друзей своих,
бандитов, сюда приведешь, чтобы они нас всех тут постре-

ляли?

Как ни странно, но Максим промолчал. К тому же, на говорившего тут же зацыкали со всех сторон. Было видно, что идея спортсмена всем понравилась.

– Ну, допустим, – подал голос Афиногенов, – Максим удержит. Все равно его документы останутся здесь. А, в случае чего, полиция рано или поздно выйдет на его след, даже если он сделает потом фальшивый паспорт.

– К тому же, – поддержал его Емельяненко, – если убийства на этом прекратятся, мы поймем, что это был он. А если он сюда никого не вызовет, а нас всех тут убьют, то на него быстро выйдут. Ведь пропадет-то он один.

– Ладно, хватит, вы меня уже достали, – вращая от злости глазами, почти крикнул Коробченко. – Как хотите, а я поплыл. Тут плыть-то километра четыре от силы, к тому же, море сегодня спокойное, солнышко светит. К вечеру полиция будет здесь.

– Это да, – согласно кивнул Измestьев. – Вот тут Анна дала маху, не подумала, что ты можешь спокойно преодолеть это расстояние. – Он глянул на Стеклова, размышляя, а не избавиться ли от конкурента на власть среди остающихся островитян. Он обратился к судье: – А что, Иван Игнатьевич, может, составите компанию Максиму? Вдвоем-то все легче.

Ответить Стеклов не успел. Коробченко яростно запротестовал.

– Ни в коем случае! Я поплыву только один. – Он пояс-

нил: – Напарник мне не нужен, я хороший пловец и у меня есть ласты, а у него нет. Следовательно, он, как минимум, сильно от меня отстанет. А что будет, если он начнет тонуть? Ну, уж нет, я спасать никого не буду, да и лет-то дяденьке уже сколько!

Логика в сказанном явно присутствовала и Измestьев настаивать на своем не стал. «А то, чего доброго, еще меня заподозрят» – думал он. А вслух произнес:

– Ну, тогда будем считать, что порешали. Можете приводить себя в порядок и надо здесь убраться и позавтракать.

Однако убираться и завтракать никто не спешил. Приведя себя в порядок, умывшись и почистив зубы, гости оторванного от земли острова, не сговариваясь, выходили на улицу, чтобы прогуляться и собраться с мыслями. А заодно и посмотреть, как молодой спортсмен отправится в плавание.

Почти у самого входа, немного в стороне, лежала растерзанная змея с разбитой головой. Возле нее стояли Стеклов, Семенченко, Афиногенов и Емельяненко.

– Не берусь утверждать точно, – щурясь от раннего утреннего солнца, авторитетно говорил Стеклов, но мне кажется, что это полоз. Змея совсем не ядовитая, типа нашего ужа.

– А мне кажется, что наоборот. Вовсе она не так безобидна. Посмотрите, какой окрас, – возражал ему бухгалтер. Видно было, что он панически боялся ползучую тварь, да-

же мертвой, внутренне содрогаясь от представшего зрелища. Но виду не подавал. Впрочем, каждый из них провел ушедшую ночь отнюдь не спокойно и перед тем, как лечь, исследовал свой номер на предмет возможного нахождения представителей отряда пресмыкающихся досконально.

Наконец, из дома уверенной походкой вышел Коробченко. Он был в одних плавках. На его широкой и накачанной волосатой груди красовался большого размера золотой крест на такой же цепи. В одной руке Максим держал маску с трубкой. Другой обнимал Милютину, на которой из одежды был лишь довольно откровенный купальный костюм. В руках она держала большие резиновые ласты. Парочка о чем-то мило ворковала.

Через какое-то время все двенадцать были в сборе. Каждому хотелось верить, что сегодня же их кошмар закончится. В этот страшный особняк, от которого веяло смертельной опасностью, возвращаться не хотелось.

Они дошли до того места, где вчера высадились на остров. Было уже девять часов. Солнце светило ярко, на море наблюдался почти полный штиль, и, если бы не ужасные события прошедшей ночи, лучшего места для тихого и мирного отдыха невозможно было бы себе и представить.

Надев ласты, и зайдя в воду, Максим помахал всем на прощание рукой, натянул на лицо маску и грациозно поплыл брассом, делая мощные симметричные гребки руками, одновременно отталкиваясь от воды ногами.

Та скорость, с которой он это делал, настроила оставшихся на острове людей на позитивный лад.

– Ну вот, – улыбнулся Измestьев, – каких-то полтора-два часа, и наш герой достигнет цели.

– Не зарекайтесь, – противно прошепелявил Бобков. – Это он сейчас с места в карьер так рванул. Посмотрим, что будет дальше, – с сомнением подлил он порцию дегтя в бочку меда.

Игорь снял футболку и шорты и зашел в воду, его примеру последовали и остальные. Даже Андриевская, хотевшая таким образом снять стресс от накопившегося за последнее время негатива.

Минут через десять Олег Викторович Измestьев, блаженно отфыркиваясь, вышел на берег, и наскоро обтерев тело полотенцем, сказал:

– Предлагаю позавтракать и обсудить возникшую ситуацию за столом. У меня нет сомнений в том, что наш уплывший товарищ в скором времени появится тут в сопровождении греческой полиции, но опасность пока что никуда не делась.

– Я тоже так думаю, – отозвался судья Стеклов, следом за ним выйдя из воды и беря лежавшее на песке полотенце. – И вот еще что. Всем нам отныне придется следить друг за другом, чтобы не один человек ни на минуту не оставался наедине. Только так мы сможем обезопасить и себя, и не дать убийце снова совершить свое черное дело. Ни на секунду.

ду нельзя забывать о том, что он сейчас по-прежнему здесь, среди нас.

Видя, что Измestьев направился по направлению к дому, Стеклов, как бы подтверждая только что сказанное, не спеша двинулся за ним.

В воде и на берегу оставались десять.

Примерно через полчаса они все снова собрались в столовой. К слову сказать, все уже было готово и стояло на столе еще до того, как они отправились провожать в плавание Коробченко. Просто тогда есть им еще не хотелось. Зато сейчас, после плавания, каждый из них не прочь был угодить своему желудку.

Когда завтрак подходил к концу, Олег Викторович, сидевший, как старший, во главе стола, сказал:

– Друзья, у меня есть предложение. Пока Максим плывет и вызывает сюда подмогу, мы должны с вами находиться здесь, в столовой, на виду друг у друга. По номерам расходиться не надо, мы сделаем это тогда, когда за нами приедут.

В ответ раздался недовольный многоголосый ропот.

– А вот лично я никому ничего не должен, – обиженно поджал губы Афиногенов. – И доказывать, что я не убийца, не собираюсь. Вот приедет полиция и во всем разберется. А сейчас я хочу пойти к себе и отдохнуть.

– Я тоже, – поддержал его Виктор, – и нечего тут свои

порядки устанавливать, кто вы такой, чтобы нас неволить?

– Я, конечно, вам не начальник, хотя вы на эту роль меня выбрали сами, – разозлился Олег Викторович, – но позволю вам напомнить, что, насколько мне помнится, следующей жертвой должна стать женщина, а у нас их всего две, – процедил он, поочередно переводя жесткий взгляд с одного на другого из присутствующих. – Или я ошибаюсь?

Бобков встал из-за стола и юркнул за стойку ресепшна. Послышался шорох раздвигаемых портьер.

– Что там у нас дальше по стихам? – не вставая со своего места, осведомился у него Измestьев.

– Странно это все как-то, – неуверенно прошептал Игорь.

– Что именно, – спокойно спросил главный.

– Карты. Их осталось всего одиннадцать.

– Вы ничего не путаете? – Измestьев встал из-за стола и подошел к нему. Вдвоем они разложили все карты. Их действительно оставалось лишь одиннадцать. Измestьев растерянно хмыкнул:

– Он что, хочет нам сказать, что Максима уже нет в живых?

Присутствующие от этих слов впали в оцепенение.

– Да ладно, – продолжал вожак с недоверием. – Никто из нас не поверит, что такому сильному, молодому и уверенному в себе мужчине грозит какая-то опасность. А ну-ка, прочитайте, что там в этих стишках идет далее. Может быть, этот маньяк задумал, пока наш друг не вернулся с полицией,

укокошить кого-то, и уже взял для этого себе карту?

Осталось их двенадцать,

Пошли они купаться.

Вдруг одного унес дельфин,

И стало их меньше еще на один.

Одиннадцать их было.

Один среди них Чикатило.

С другою пошалил он малость,

И десять их осталось.

Когда Игорь дочитал, Олег Викторович поднял ладонь вверх, давая понять, что дальше продолжать не надо.

– С другою пошалил он малость, – задумчиво повторил он.

– Плохи дела, – неутешительно констатировал Стеклов, посмотрев на двух оставшихся дам.

Обе были бледны, как смерть.

– Я наверное пойду к себе, – просяще глянула на Изместьева Андриевская. – Что-то мне опять становится плохо.

Идите, – махнул рукой тот. – Но я вас очень прошу: закройте изнутри на ключ и никому не открывайте. Вы слышите – никому!

Вера вяло кивнула. Ее начало трясти от резко повысившегося давления. Но ничего, в сумке у нее таблетки. Сейчас она придет, примет их и завалится спать. Замок в двери прочный, как, впрочем, и сама дверь. Ничего с ней не случится.

А всех остальных я попрошу остаться здесь, – мягко, но настойчиво произнес Олег Викторович. – Вера, – снова обратился он к уходящей женщине, – давайте условимся, что из номера вы выходите либо по своей воле и, разумеется, с соблюдением всех необходимых мер предосторожности. Либо после того, как в дверь постучу я, и только если я буду в сопровождении еще кого-либо. Договорились?

Женщина кивнула, и вяло поплелась к себе. Лицо ее было очень бледным. По-хорошему, ей срочно требовалась медицинская помощь, которую остававшиеся с ней люди предложить не могли.

С того момента, как ушла Андриевская, прошел еще час. – Ну, и долго мы еще сидеть будем? – спросил Семенченко. Несмотря на то, что он явно был трусоват, это чувство неопределенности его злило. К тому же, жертвой, судя по стишкам, в случае чего, должна была стать женщина. Значит, пока ему лично бояться было нечего.

Судя по одобрительному ропоту среди присутствующих, которым максимум что дозволялось, так это покурить с выходом на улицу минуя москитную сетку, их терпение подходило к концу.

Ладно, – глянув на часы, смилостивился Измесьев. – Я вижу, особого смысла, ожидая у моря погоды, сидеть нет. Я предлагаю проводить Катю до ее номера, а мужчинам про-

гуляться по острову. Только всем и так, чтобы каждый мог видеть остальных.

Когда Милютина закрылась, мужская часть населения острова вышла из особняка и стала разбредаться по группам кто куда.

Внезапно судья Стеклов, показав рукой туда, где они купались, произнес:

– Смотрите! Похоже, это человек, его вынесло на берег.

Не сговариваясь, все бросились к этому месту.

Прибежавшим открылась ужасная картина. На берегу лицом вниз лежало тело мужчины. Мужчина был в лапах и с лысой головой, в теменной области которой зияла большая вдавленная рана от удара чем-то тяжелым. Крови видно не было, возможно ее смыла морская вода. К тому же, из мертвого тела, в котором нет давления, кровь перестает идти очень скоро. Предчувствие беды не покидало никого из присутствующих.

Когда тело перевернули лицом вверх, сомнений не осталось. Это был Максим Коробченко. Золотой цепи и креста на нем не было. Зато на том месте, где они еще недавно висели, на капроновой веревке красовался... да-да, это был черный пластиковый дельфин.

Давно ей не было настолько плохо. И главное, что ее тревожило, это то, что видимых причин для такого состояния

не было. Ночью после выпитого лекарства спала она хорошо, проснулась бодрой и здоровой. Казалось, что все потрясения, связанные с этим противным, страшным голосом, приговорившим их всех к смерти, и со змеей, происходили как бы не с ней. Но обнаружение утром тупа этой милой девочки, медсестры Олеси, которая так трогательно за ней ухаживала, словно за родной матерью, снова выбило Веру из колеи. Южное утреннее солнце и купание в море ее взбодрили, но сейчас она опять чувствовала себя отвратительно. Как будто хлебнула лошадиную дозу адреналина, категорически ей противопоказанного, как страдающей артериальной гипертензией и сердечной аритмией.

«Ничего, – успокаивала себя Вера, медленно преодолевая последний лестничный пролет. – Вот сейчас окажусь у себя, закроюсь на ключ, выпью таблетки и лягу спать без задних ног».

Она открыла дверь, зашла внутрь и заперлась, оставив ключ в замочной скважине. Странно, но сумка, где были таблетки, почему-то лежала на кровати, хотя она точно помнила, что на кровати ее не оставляла. В висках бешено стучало, сердце колотилось, ноги предательски подрагивали. Она знала это состояние. Если сейчас не принять лекарство, то все может закончиться очень печально. Раздумывать о том, как именно сумка оказалась здесь, на кровати, времени не было. Она взялась за собачку молнии.

Но что это там, за подушкой? Что там торчит? – Она по-

тянулась и откинула ее в сторону.

«Боже, Боже, о нет, этого не может быть!»

Внезапно ее сердце ухнуло куда-то вниз. Чьи-то невидимые руки, обхватив ее грудную клетку, словно хлипкую оконную решетку, резко рванули ее на себя, вырывая вместе с ней и саму жизнь.

«На волю, теперь я на воле, здесь так хорошо, а я и не знала!» – Все куда-то провалилось.

«Это конец!» – напоследок пронеслось в голове у Веры. «Привет, ты меня здесь встречаешь? Это все-таки была ты?..».

Едва первое потрясение от увиденного миновало, Изместьев, никого не стесняясь, выругался.

– ...Твою мать, как это могло случиться? Ведь мы же все были тут, на острове? – Он был не на шутку взволнован.

Остальные топтались в нерешительности, поглядывая в ту сторону, где находился довольно ясно различимый отсюда остров Гавдос. На горизонте не было ничего, – ни корабля, ни даже лодки.

– Второй труп за считанные часы, – мрачно изрек Стеклов. – Не думал я, что она такая.

– Какая такая? – переспросил его Олег Викторович. – Вы про эту маньячку, Лучкович?

– В другое время я начистил бы тебе рожу! – озверев, су-

дья схватил Измествьева за грудки, – даром, что я судья, но теперь, – он понемногу успокаивался, – теперь... я делать этого не буду. – Он выпустил майку старшего из рук. – Потому, что это правда, да, она действительно маньячка. – Самообладание потихоньку возвращалось к нему.

– Я, конечно, все понимаю, нервы у всех не железные, – встрял в их разговор Молодавченко, – но все же, не надо так напрягаться друг на друга, – с укоризной посмотрел он на Стеклова. – На мой взгляд, человек, тем более женщина, не должен так поступать с невиновными людьми. Ведь мы даже не присяжные по делу ее сына.

– Кстати, – оживился Бобков, – а действительно, почему на этот остров она пригласила не наших родственников, которые судили ее сына, а нас с вами?

Нужно подумать об этом, – сказал Измествьев. – Но сначала давайте отнесем тело нашего погибшего товарища в дом, к Олесе. И, кстати, нужно подумать о том, как и где предать их земле. Иначе трупы начнут смердеть, ведь стоит жара.

Они подняли тело Коробченко за руки и за ноги, и понесли в дом.

Когда же мужчины, оставшиеся на острове, зашли в пустую комнату, где находился труп Казанцевой, их охватил ужас. Тело девушки было грубо обезглавлено.

– Это не человек! – вращая глазами, бешено заорал Из-

местьев, давая волю чувствам. – Кто бы это ни был, я убью его! – На его и без того влажных глазах появились скупые слезы. – Мы будем находиться здесь, на первом этаже, пока не вычислим этого негодяя. Расходиться я не позволю...

– По ходу дяденька поехал, – пробормотал Бобков, выходя из покойницкой и в страхе озираясь по сторонам. Остальные следом за ним один за другим торопливо покинули страшную комнату.

– Для начала нужно понять, – произнес Степан, не обращаясь ни к кому конкретно, когда все, кроме Измествьева, оказались в коридоре, – зачем этот кто-то это сделал. И где находится голова погибшей.

– У меня есть предложение, – спокойно сказал Стеклов. Было видно, что он, в отличие от Измествьева, уже окончательно успокоился и снова начал мыслить трезво. Нам всем необходимо пройти сначала к Милютиной и узнать, все ли с ней в порядке. А потом то же самое проделать с Андриевской. Только повторяю: всем вместе, чтобы каждый из нас мог контролировать стоящего рядом с ним. Кстати, для начала, давайте-ка обобщем друг друга на предмет наличия ножей и иных опасных предметов. Ведь жертва была обезглавлена ножом или топором.

Остальные закивали в знак согласия. Однако никакого оружия или каких-либо вообще колюще-режущих предметов ни при ком из мужчин не было.

Подойдя к двери Екатерины и постучав, Измествьев крик-

нул:

– Катерина, вы здесь?!

За дверью послышалась возня, и Милютина испуганно проворковала:

– Да, я тут, все нормально.

– Тогда можете выходить. – Он обернулся и поискал глазами Молодавченко.

– Молодой человек, – попросил его старший, – я вас прошу, как можно мягче сообщите ей о том, что Максим убит.

Едва Екатерина вышла, как все они направились наверх. Ей рассказали о смерти ее нового друга и страшной находке в покойнице. Молодая женщина тихо плакала, размазывая по лицу тушь. Взглянуть на трупы она не решилась.

Когда в дверь к Андриевской постучали, из ее номера не донеслось ни звука. Наконец, старший дал команду выбить ее дверь.

То, что их ждало, было не менее ужасно, чем то зрелище, которое предстало им внизу.

Вера была мертва. Она лежала лицом вниз на своей постели. А рядом с подушкой, измазав простыню кровью, лежала мертвая женская голова.

– Не пускайте сюда Катю, – запоздало распорядился Олег Викторович, но было поздно. Девушка все увидела и, рыдая, выбежала в коридор. Измestьев распорядился ее успокоить.

Когда третий труп и голова первого были доставлены в

покойницкую, на лицах оставшихся в живых читался тихий ужас.

– Еще немного, и мы с вами сойдем тут с ума, – мрачно пробормотал бывший офицер. – Предлагаю пройти на кухню, где у нас отныне будет штаб по расследованию чрезвычайных происшествий на острове, и попытаться успокоиться. Нам нужно это сделать, чтобы не впасть в панику и отчаяние. Все это, если взглянуть на ситуацию здраво, может быть логически объяснимо. По крайней мере, я в этом уверен.

– К тому же, – поддержал его Стеклов, – нам с вами ничего другого и не остается. Судя по всему, ошарашенный от крови и безнаказанности убийца, теперь не остановится и будет убивать нас как ягнят – один за другим, фанатично следуя к тому же своей дурацкой считалочке.

Собравшись в столовой, они расселись за свои места за столом. Со стола никто не убирал и остатки пищи уже успели заветриться. Катя убирать со стола и мыть посуду не спешила. К тому же выглядела она подозрительно. Неужели она уже успела выпить? Впрочем, оставшихся мужчин это несколько не заботило. Отныне каждый был за себя и подозревал всех.

– Если честно, то я ошарашен, – начал Измestьев. – Нет, для меня вовсе не впервой видеть трупы. Но чтобы за одно утро три убийства один за другим – это неслыханно. Давайте

без эмоций выскажемся на этот счет и выработаем дальнейший план действий.

– Лично я уверен, что у убийцы среди нас есть сообщник или даже несколько сообщников, – сказал Бобков. – Мы все с вами все это время, пока наш качок плавал, находились здесь. – Он откашлялся, руки его дрожали, сам он был бледен. От обычной бравады не осталось и следа. Взгляд у Игоря был внимательный, но, как ни странно, не испуганный. – Поэтому, – продолжал он, – никто из сидящих здесь этого сделать не мог. Скорее всего, Максима ударили по голове веслом или каким-то другим предметом, но сделал это тот, кто сам был на борту лодки или катера.

– Согласен, так оно, скорее всего и было, – кивнул Шкандыба. – В воде с ним никто бороться бы не стал, слишком уж опасно, учитывая его силу.

Остальные сидели молча, внимательно поглядывая друг на друга.

– А это значит, – сказал судья Стеклов, – что у преступника, орудующего на острове, должна быть связь с этим сообщником. Ведь должен же он был предупредить подельника о том, что Максим плывет к Гавдосу.

– А посему, у меня есть предложение, – вмешался Изместьев, – провести обыск во всех номерах. По порядку и методично, одного номера за другим. Вполне возможно, что убийца не успел спрятать оружие своего злодеяния и средства связи. – Олег Викторович внимательно наблюдал за реакци-

ей сидящих за столом. Вдруг преступник себя как-то выдаст. Но никто подозрительным поведением себя не выдал.

– Обеими руками «за», – оживился Стеклов. – Будем этот вопрос ставить на голосование или как?

Ставить предложение Измestьева на голосование никто не собирался. Все с надеждой уцепились за эту возможность.

– И чтобы не терять драгоценное время, – подвел итог судья, – пока в номере обыскиваемого будет проводиться обыск, сам этот человек должен по секундам рассказать, где он был и чем занимался в период с семи тридцати до одиннадцати часов. То есть в то время, когда были убиты наши товарищи.

Первым по счету номером, который подвергся обыску, был номер Степана Емельяненко. Пока остальные выворачивали его наизнанку, жилец объяснил, что после утреннего собрания в столовой, проходившего после обнаружения трупа Олеси, он пришел сюда, почистил зубы и принял душ. Немного повальявшись, он оделся в пляжный костюм и вышел на улицу, где какое-то время обсуждал события прошлой ночи в кругу Стеклова, Семенченко и Афиногенова, после чего вместе со всеми направился провожать Коробченко и купаться. В дом он вернулся вместе со всеми и в номер или еще куда-либо не заходил. Шел он с пляжа последним вместе с Викторовым и Шкандыбой, которые могут подтвер-

дить его слова.

Потом были номера Милютиной и Семенченко, в которых, как и в комнате Емельяненко, ничего интересного обнаружено не было. Оба обыскиваемых, каждый в отдельности, поведали примерно то же самое, что и Степан.

Зато в номере Бобкова их ждала удача. Едва Семенченко открыл нижнюю полку в его прикроватной тумбочке, как все присутствующие оцепенели. Лицо самого Игоря вытянулось от изумления, перемешанного с ужасом. Там находился окровавленный тесак. Его лезвие было выплавлено из стали. Длинной оно было не меньше тридцати сантиметров, шириной, в той части, что примыкала к синей плексигласовой ручке, около четырех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.